

ВРЕМЯ-СУДЬЯ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Время-судья

Серия «Авантюрный детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26708911
Время-судья: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-088579-4

Аннотация

Новый авантюрный детектив, во время чтения которого забываешь о любых проблемах! Качество гарантировано: Татьяна Полякова входит в top-5 самых популярных российских авторов!..

Почему именно сейчас стали происходить все эти странные и пугающие события, связанные с исчезновением мамы? Ведь прошло уже четыре года с тех пор, как она бесследно пропала. После официального следствия, безуспешных поисков частных сыщиков, мы с отцом уже смирились с неизбежным. И вот теперь я не знала, что и думать. Я действительно несколько раз видела свою мать? Или просто очень похожую на не женщину? При этом, едва я хотела приблизиться к ней, она убегала. Словно кто-то затеял со мной жестокую игру. Я решила провести собственное расследование. Неожиданно у меня появился непрошенный помощник – Лео Берзинь. Удачливый бизнесмен, неотразимый красавец, о котором ходили самые невероятные слухи. Но разве

могу я доверять ему, когда Лео и его отец являются конкурентами, заклятыми врагами моего папы?..

Татьяна Полякова

Время-судья

© Полякова Т.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Моему мужу Александру.

С любовью

Свет фар вырвал из темноты фигуру женщины в белом плаще. Она застыла на обочине дороги, а я испуганно ша-рахнулась вправо, боясь ненароком ее зацепить. Подъездная дорога к дому отца совсем узкая, две машины не разъедутся. Дом последний в переулке, по сути, это тупик, и я с некоторым удивлением подумала: «Кто эта женщина?» Точнее, что ей здесь понадобилось? Забрела случайно, не зная, что попасть на соседнюю улицу отсюда невозможно?

Я затормозила перед воротами, ожидая, когда створки разойдутся в стороны, и посмотрела в зеркало. Женщина все еще стояла на обочине. Не знаю, почему меня это насторожило. Она смотрела в мою сторону, а у меня по спине вдруг прошел холодок, что-то в ее фигуре показалось знакомым, не явное, но уже тревожащее. Я, глядя в зеркало, продолжа-

ла стоять возле ворот. Потом, точно опомнившись, проехала вперед, и глаза вновь вернулись к зеркалу. Женщина стояла не шевелясь, будто что-то разглядывая. Ворота начали закрываться, а она вдруг быстро пошла к дому. На мгновение свет фонаря у ворот упал на ее лицо, а я заорала: «Мама!», чувствуя, как сердце ухнуло вниз.

И тут ворота закрылись.

— Мама, — пробормотала я, потому что сил кричать больше не было, впрочем, их все-таки хватило на то, чтобы выбраться из машины.

Я постояла, держась за дверцу, боясь, что могу свалиться в обморок, а потом бросилась к калитке. На то, чтобы отпереть ее, потребовалось время, я запоздало подумала, что проще было бы открыть ворота. Когда я, наконец, распахнула калитку, на подъездной дороге никого не было. Вглядываясь в темноту, я нерешительно позвала:

— Мама...

Мне никто не ответил. Помедлив, я направилась к тому месту, где пару минут назад видела ее. За столь короткое время достигнуть улицы, от которой вела дорога к дому, она бы не успела. Разглядеть белый плащ я бы смогла, если женщина, конечно, не прячется за густыми туями. Вопрос, зачем моей матери прятаться? Впрочем, как и бродить поздним вечером возле своего дома. При том, что уже четыре года ее безуспешно ищут: и полиция, и мой отец.

Я замерла на границе света, доходившего сюда от фонарей

возле ворот. Примерно здесь она стояла. Попыталась разглядеть следы на песчаной обочине, уже сомневаясь, видела ли женщину или это плод моего воображения. Если это не глюки, значит, ей одна дорога: за туями между соседскими заборами был узкий проход. Вступив на тропинку, я сразу же оказалась в темноте и немного постояла, ожидая, когда глаза привыкнут и начнут различать хоть что-то. Прислушалась. Где-то рядом заработал двигатель машины, шины заскрипели по гравию, а потом все стихло. Я все-таки дошла до конца забора и оказалась на соседней улице. Движение здесь особо оживленным не назовешь, но машин хватало, даже в это время.

Развернувшись, я зашагала к дому. Достигнув калитки, задрала голову, разглядывая звезды, и постаралась успокоиться. Какая-то женщина действительно чем-то похожая на мою мать, оказалась возле нашего дома. Возможно, она о чем-то хотела спросить меня, вот и направилась к воротам, а потом передумала. И поспешно скрылась? Все это довольно странно, время для одиноких прогулок не самое подходящее, впрочем, как и место. Но хоть как-то, да объяснимо. А вот на вопрос, с какой стати маме так себя вести, я бы точно не смогла ответить. Не было ответа и на главный вопрос: куда и почему она исчезла четыре года назад?

Абсолютно благополучная семья, где все любят друг друга... и вдруг однажды все летит к чертям. Первое время я надеялась, искала объяснения. Авария, амнезия... что угод-

но. Когда прошло полгода, объяснений практически не осталось, но я все равно надеялась. Впервые слово «убийство» было произнесено примерно тогда, не отцом и не мною. Матерью моей подруги. Она была уверена, что я ее не слышу. Оказалось, отец все это время был под подозрением, хотя никто обвинений ему не предъявлял.

О маме по-прежнему не было никаких сведений, карточками она не пользовалась, поиски ничего не дали. Она просто исчезла. Оказалось, так бывает.

За четыре года я научилась жить без нее, но смириться не могла. Не зря говорят: неизвестность мучительна. Наверное, даже смерть близкого человека перенести легче, чем эту выматывающую неопределенность, когда готов поверить всему... Так и до глюков недалеко.

«Они и не заставили себя ждать», – мрачно усмехнулась я, входя в калитку.

Дверь в дом была открыта, на крыльце стоял отец.

– Нюся, – позвал он.

Нюсей меня в шутку звала мама, папу это скорее сердило, он предпочитал называть меня «Анечкой» или «Анюткой», но, когда мамы не стало рядом, вдруг начал обращаться ко мне именно так.

– Привет, – отозвалась я и помахала ему рукой.

– Ты куда ходила? – В голосе отца слышалось беспокойство.

– Кошка выскочила прямо под колеса, – соврала я, при-

ближаясь. – Испугалась, что я ее задела... вот и пошла взглянуть...

Папа обнял меня и поцеловал.

– И что кошка?

– Надеюсь, цела. На дороге ее точно нет.

Мы вошли в дом. Когда исчезла мама, я училась в Москве, вернувшись в родной город, стала жить отдельно, сначала на съемной квартире, потом в своей, разумеется, купленной на папины деньги. Жить в этом доме я не могла и удивлялась, как папа может. Хотя на самом деле все должно быть просто: этот дом связывает его с мамой, и отец считает, пока он живет здесь, есть надежда, что однажды все вернется – и мама, и счастье...

Выходные мы, как правило, проводили вместе. Последние пару лет дом уже не вызывал у меня такого неприятия, как поначалу. В любом случае переезжать папа не собирался, следовательно, с этим надлежало смириться. Что я, в общем-то, и сделала.

– Как дела? – спросил папа, когда мы оказались в просторной кухне-столовой.

– Нормально, – пожала я плечами.

– Сейчас тебя кормить буду.

– Шутишь? Половина одиннадцатого.

– Уверен, ты не ужинала. И, скорее всего, не обедала.

– Не угадал. Сегодня с девчонками в кафе встречались...

– Да? Что ж, тогда давай пить чай.

Мы устроились за столом, через некоторое время я поймала себя на том, что таращусь в чашку в надежде найти ответ на вопрос: привиделась мне женщина в белом плаще или нет? Точнее, была ли она похожа на мою мать.

– У тебя все в порядке? – спросил отец, как видно, мой интерес к чашке без внимания не остался.

– Да... пришла одна идея... Извини.

«Почему бы не рассказать папе?» – подумала я.

В первый месяц мы много говорили о маме, наперебой убеждая друг друга, что она вот-вот найдется. Потом замолчали, а в последнее время и вовсе избегали этой темы.

– Папа, – собравшись с силами, позвала я, – ты считаешь, ее нет в живых?

Отец такого вопроса не ожидал. Посмотрел как-то странно, вздохнул, почесал бровь указательным пальцем – верный признак того, что ему надо подумать, прежде чем ответить.

– Почему ты спросила? – наконец произнес он. – Я имею в виду... почему вдруг сейчас?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Но... когда-нибудь нам придется поговорить об этом.

– Да, – кивнул он. – Ты права. Наверное, в самом деле нам нужно поговорить... Нюся, если бы мама была жива... я не представляю, что могло ее заставить бросить нас... Допустим, я еще могу придумать причину, по которой она оставила меня, внезапно вспыхнувшая страсть, к примеру... Хотя это, скорее, уже кинематограф. В реальной жизни человек

мучается, пытаюсь решить, как поступить, а потом ставит в известность мужа, что хочет развестись... если предпочтет любовника. Мне казалось, я хорошо знаю твою маму. Она не из тех женщин, что изменяют мужу. Допустим, я ошибаюсь. Но тебя она бы в любом случае никогда не оставила. Никогда. И ты это знаешь. Ее бесследное исчезновение ставит в тупик, я тысячи раз думал, что могло произойти в тот день... Что-то страшное, Нюся. И теперь у меня одна надежда: что я когда-нибудь узнаю...

– Ты ведь обращался к частному детективу?

– Его рекомендовали как профи по розыску пропавших.

– И никаких следов?

– Ты же знаешь, – вздохнул отец. – Ее нет. Я не сомневаюсь. Вопрос, как и где это произошло.

– И на чудо рассчитывать не приходится?

– На пресловутую амнезию? Всех, кто не мог ничего сообщить о себе, давно проверили. Женщин среди них совсем немного. Кто-то удерживает ее силой? Обычно таких, как твоя мама, похищают с намерением получить выкуп. Ко мне никто не обращался. Родителей твоей мамы давно нет.

– Что же получается? – пробормотала я.

– Несчастный случай – единственное разумное объяснение, – сказал отец. – Она погибла, а виновник ее гибели, испугавшись, спрятал тело.

– А если... если маму вынудили бросить нас? – не очень уверенно предположила я.

Отец криво усмехнулся.

– Кто? Зачем? И кому от этого польза? Поверить в инопланетян не дает здравый смысл. Кто еще? Спецслужбы? Ничуть не лучше инопланетян. Ты же знаешь, как она тебя любит... любила. Когда ты уехала в Москву, мне пришлось уговаривать ее не звонить тебе каждый час... Она бы нашла способ связаться с нами, уж можешь поверить. Твоя мама не из тех, кто опускает руки.

«Сказать ему? – думала я. – Скорее всего, это лишь прибавит ему беспокойства. Мало того, что жены лишился, теперь дочери бог знает что мерещится».

Мы допили чай и перебрались в гостиную, устроились на диване поближе друг к другу, смотрели телевизор и почти не разговаривали. Я знала, о чем думает отец, и почти жалела, что завела этот разговор.

После двенадцати он взял пульт и сказал:

– Давай-ка спать. – И я согласно кивнула.

Поднялась в свою спальню, постояла под душем, а затем устроилась на подоконнике, открыв настежь окно. Сна ни в одном глазу. Папа прав: разумных объяснений нет. И мама действительно из тех людей, кто никогда не опускает руки. Она нашла бы способ связаться с нами. Со мной.

Я не сказала отцу месяц назад и сегодня промолчала. Тогда – сочтя письмо чьей-то дурацкой шуткой, а сегодня... не знаю почему.

Месяц назад в мой день рождения по электронке пришло

письмо. Короткое. «Доченька, я так люблю тебя и так счастлива, что ты у меня есть. Поздравляю тебя и желаю счастья огромного-преогромного. Твоя мамочка».

Читая письмо, я стискивала зубы от злости, ни минуты не сомневаясь: это гнусная шутка. Мама бы вряд ли написала нечто подобное, «доченька» и «мамочка» вообще не в ее стиле. Папа прав, мама очень меня любила, беспокоилась, донимала звонками, однако обходилась без сюсюканья. Она была веселой, немного насмешливой, подтрунивала надо мной, придумывала смешные прозвища, вместо «вертихвостки» говорила «хвостовертка» и звала Нюсей или Нюркой, весело фыркая. Но теперь, после разговора с отцом, я подумала: а вдруг... Вряд ли бы моя мама написала нечто подобное, но это та мама, которую я знала четыре года назад. Вдруг что-то заставило ее измениться. Чему удивляться, если это что-то заставило ее исчезнуть?

Умом я понимала: папа прав, единственное внятное объяснение – ее нет в живых. Письмо произвело на меня куда большее впечатление, чем я могла бы предположить, оттого в случайных прохожих мне и мерещатся знакомые черты.

Однако все эти размышления отнюдь не успокоили, напротив, теперь я скорее удивлялась категоричности, с которой я отнеслась к электронному письму. Сейчас, после слов отца, все виделось совершенно в ином свете. Почему бы не предположить почти невозможное? Мама жива, и она связалась со мной. Со мной, а не с отцом? Когда она исчезла,

я уже несколько лет жила в Москве, дома появлялась далеко не каждый выходной. В столице были друзья и масса возможностей отлично провести время. Родители приезжали ко мне куда чаще. По делам им приходилось бывать в Москве еженедельно, что избавляло меня от необходимости выполнять дочерний долг.

В последний год они редко приезжали вдвоем. Если честно, я такого вообще не могла припомнить. Никаких подозрений тогда это обстоятельство у меня не вызвало. У родителей общий бизнес, год от года он расширялся и, разумеется, требовал внимания. В тот последний год они не ездили отдыхать, как обычно.

Сколько я себя помнила, мы отдыхали дважды в год, две недели зимой и месяц летом. Когда я стала старше, к этому прибавились поездки с мамой в Лондон, она считала, это необходимо, чтобы подтянуть мой английский. После первого курса я впервые отправилась отдыхать без родителей, в компании подруги. Собственно, на этом семейные поездки закончились. Мне нравилось отдыхать с друзьями, и мама с папой отнеслись к этому с пониманием.

Они хотели купить квартиру в Болгарии, потом вдруг передумали. Мама сказала, что мне наверняка захочется побывать в разных местах и я не стану проводить все каникулы в Болгарии, а у них с папой просто нет времени бывать там часто. О квартире следует подумать ближе к пенсии. Объяснение показалось вполне разумным. Хотя, если честно, и са-

ма покупка, и внезапный отказ от нее совсем меня не интересовали. Я была слишком увлечена собственной жизнью и о жизни родителей в тот период мало что знала. Дежурного «все нормально» мне хватало. Родители словно остались в прошлой жизни, в уютном, любимом доме, где меня ждали и куда я могла вернуться в любую минуту. Интересно, все девицы моего возраста такие эгоистки или я в своем роде уникам?

А потом грянул гром... Папа позвонил ближе к вечеру и спросил: «Мама не у тебя?» В голосе странная нерешительность и беспокойство.

– Нет, – ответила я, даже не догадываясь, что приготовила мне судьба. – Она хотела приехать?

– Нет... Не знаю. Она звонила сегодня?

– Нет, – вновь ответила я и подумала: странно, что мама не звонила ни разу за весь день. Непохоже на нее. Это я могла забыть и не позвонить, но не она.

– Меня это беспокоит, – сказал отец. – Не могу до нее дозвониться.

Я уверила себя: мама просто забыла подзарядить мобильный. Несколько раз набирала ее номер, а потом отправилась с подругой в кино.

Вторично отец позвонил в полночь. Мамы не было ни на работе, ни дома. На звонки она упорно не отвечала. Теперь в его голосе была настоящая паника.

– Мама не звонила?

– Нет.

Только тогда появилось беспокойство. Но я по-прежнему была уверена: все непременно обойдется и объяснение ее поведению будет простым и даже забавным. Святая наивность маменькиной дочки, которая считает: ее родители вечные и с ними никогда ничегошеньки не случится.

На ночном поезде я приехала домой, хотя папа и возражал. Думаю, он не переставал надеяться, что мама появится у меня.

В восемь утра мы отправились в полицию, потом ждали звонка дни напролет, не отходя от телефонов, сначала счастливого известия, которое вернет нашу прежнюю жизнь, затем – какого угодно.

Само собой, я расспросила папу о том последнем дне. Накануне они гостили у Вяземских, давних друзей. Вернулись поздно. В девять утра у отца важная встреча, он уехал из дома в восемь тридцать пять. Маму будить не стал. В одиннадцать сорок она появилась возле офиса, приехала на своей машине. Ее заметил охранник. На записи видеонаблюдения машину хорошо видно. Мама подъезжает, ставит «БМВ» на своем обычном месте, изображение не вполне отчетливое, но за рулем, безусловно, она. Держит руку возле уха, вроде бы с кем-то говорит по телефону, потом «БМВ» вдруг срывается с места и поспешно покидает парковку. Само собой, этот телефонный разговор очень заинтересовал полицию. Логично предположить: кто-то позвонил и мама отпра-

вилась на встречу с этим человеком. Возможно, нервничала. Такой вывод напрашивался, объясняя крайнюю спешку. Обычно мама ездила аккуратно.

Проверили все звонки в тот день. Вот тут и появилась первая странность. Ни одного звонка. Ни с ее номера, ни на ее. Должно быть, мама выключила мобильный, чтобы выспаться, а потом забыла его включить. Но камера запечатлела ее разговор по мобильному, телефон возле уха, и губы двигаются. Следователь спрашивал, не было ли у мамы еще телефона. Я ответила отрицательно, потому что никогда второго телефона не видела и мама всегда звонила с одного номера.

Тогда я была уверена: вся эта путаница из-за плохого качества изображения. Мама могла поправлять волосы и произнесла что-то вслух, досадуя, например, на свою забывчивость. Так мы тогда и решили с отцом: мама что-то вспомнила, вот и вернулась. Домой? Но теперь я вдруг подумала: что, если у нее действительно был другой мобильный, о котором ни я, ни отец ничего не знали? Вот только зачем он маме?

Я прошла по комнате, потом решительно направилась к компьютеру, он остался здесь еще со школьных времен.

Об исчезновении мамы, оказывается, писали довольно много. Чего ж удивляться, зная страсть людей ко всевозможным загадкам. Через два часа я с удивлением поняла, что много чего не знала. Например, в ту ночь родители спали в разных комнатах: мама в их общей спальне, а отец в гостевой. Мне он об этом не рассказывал. В полиции отец объяс-

нил, что довольно много выпил в гостях, а во хмелю имел неприятную особенность храпеть. Вот жена и отправила его в гостевую, чтобы не мешал спать. Папа, оказывается, храпит, чем и нервировал маму. По крайней мере, это объясняет, отчего в то утро родители не общались. Мама всегда спала очень чутко и непременно бы проснулась, когда папа поднялся, чтобы идти на работу. Помнится, он не уходил, не поцеловав ее на прощанье... Действительно не хотел будить или была еще причина, из-за которой привычный ритуал был нарушен, а папа оказался в гостевой?

Теперь, сидя перед компьютером и читая статьи четырехлетней давности, я думала, как мало знаю о жизни своих родителей. За те годы, что я училась в Москве, могло произойти очень многое, о чем мне не захотели сообщать. Или я не хотела видеть? Отца в убийстве никто не обвинял, но намеки были. В таких делах муж всегда подозреваемый номер один. С девяти утра до половины седьмого он был в офисе, чему много свидетелей, день выдался суматошный, отец не смог бы и на минуту отлучиться, чтобы этого не заметили. В ежедневнике его секретаря все расписано по минутам, и никакие самые хитрые вопросы сбить ее не смогли, она стояла на своем: Алексей Егорович все время был в офисе и только в час спустился в кафе на втором этаже, чтобы пообедать, компанию ему составил заместитель по финансам. Но в одной из статей намекали, что господину Гришину ничто не мешало разделаться с женой после половины седьмого. А по-

том разыграть спектакль с исчезновением. Повод для избавления от спутницы жизни банальный и веский – деньги. Общий бизнес, который в случае развода пришлось бы делить.

Думаю, жизнь моих родителей, пока шли поиски, рассмотрели под микроскопом, но, судя по всему, ничего подозрительного не нашли.

В половине седьмого отец поехал домой. В течение дня мама на звонки не отвечала, и это его слегка удивило. Однако он убедил себя: жена решила остаться дома из-за приступа головной боли и телефон выключила, чтобы ей не мешали. Эти самые головные боли мучили ее довольно часто. Не застав маму дома, он забеспокоился. Ее мобильный по-прежнему молчал, и папа стал обзванивать знакомых. Ее машины в гараже не оказалось, оставалась надежда, что она вдруг уехала в Москву. Какое-то время папа не решался звонить мне, чтобы не напугать, но потом не выдержал...

Я вернулась к окну, постояла немного, вглядываясь в ночь за стеклом. Дверь за моей спиной чуть приоткрылась.

– Не спишь? – услышала я голос отца.

– Собираюсь ложиться.

Он подошел и обнял меня.

– Может, тебе съездить куда-нибудь отдохнуть? Хочешь, поедем вместе?

– Заманчиво. Я подумаю.

Он кивнул, собираясь уходить, и вдруг нахмурился. Я

проследила его взгляд и поняла, в чем дело: на экране компьютера статья с броским заголовком «Никто никогда не узнает правды?». Я досадливо поморщилась, а папа вновь повернулся ко мне.

– Я бы очень не хотел... – заговорил он, с трудом подбирая слова, и криво усмехнулся, то ли досадуя на свою нерешительность, то ли все-таки на меня. – Самое лучшее для нас, для тебя... научиться жить без нее. Я прошел все стадии от надежды до полного отчаяния. Иногда куда разумнее остановиться. И я не хочу, чтобы ты... боль словно выедает человека изнутри... я бы предпочел, чтобы ты... избежала этого. Слава богу, у тебя целая жизнь впереди. Извини... что-то я сегодня невнятно выражаюсь...

– Я отлично поняла тебя, папа. Но вряд ли тебя должно удивлять, что я...

– Удивлять? – перебил он. – Нет, меня это не удивляет. И я очень боюсь, что ты угрозишь несколько лет, а то и жизнь на разгадку этой тайны. Поверь мне: все, что возможно, я уже сделал. Результат нулевой. Теперь рассчитывать приходится лишь на чудо, а его может и не быть. Очень тебя прошу, не повторяй моих ошибок...

– То, что ты до сих пор ищешь маму, ты считаешь ошибкой?

– Мне тоже пора остановиться. И попробовать жить без нее. Это очень трудно. И проклятое «а вдруг» до сих пор не дает мне покоя. Оттого я так боюсь за тебя.

Он поцеловал меня и торопливо вышел из комнаты, а я, опустившись на кровать, досадливо покачала головой. Теперь рассказывать о женщине, встреченной возле дома, и вообще не стоит. Отец точно решит: у меня глюки на почве дочерней любви. Да и о его душевном состоянии неплохо бы подумать.

Разговор оставил неприятное чувство, и дело не только в том, что я расстроила папу, хотя меньше всего этого хотела. А в чем? Его реакция показалась чрезмерной? Ну заглянула я в интернет, посмотрела старые статьики... Все дело в этих намеках на его причастность? Не думает же он, что я в них поверю? Или он в самом деле боится: я стану одержима поисками, как он еще недавно. Кстати, об этих самых поисках мне тоже мало что известно.

Когда вернулась в родной город, отец уже отчаялся найти хоть самую крохотную зацепку. Но все равно продолжал искать. Я помню его потухший взгляд, словно обращенный внутрь, тогда это меня здорово пугало... Чего ж теперь удивляться папиному беспокойству? Он прав, тысячу раз прав. Нам надо научиться жить без нее. Я честно пыталась. Поначалу из-за отца. Видела, что с ним происходит, и твердила себе: кому-то из нас надо сохранить голову на плечах, не съехать с катушек. А теперь, когда отец понемногу успокоился, я готова все начать сначала.

Я легла под одеяло и выключила свет, дав себе слово выбросить из головы недавнюю встречу. Я уже лишилась мате-

ри, тем более стоит поберечь отца.

Проснувшись утром и заглянув в кухню, я обнаружила там папу, разговаривающего по телефону. Заметив меня, он кивнул и улыбнулся, ткнув в сторону стола. На подносе стояла чашка кофе. Я взяла ее, сделала глоток, прислушиваясь к разговору. Звонок явно не деловой, отец шутил, то и дело смеялся. А я с удовольствием отметила, что он отлично выглядит. Красивый мужчина... Четыре года – большой срок, и вчера он наверняка имел в виду не только меня, но и себя. В смысле, начать новую жизнь и все такое. Очень может быть, у него кто-то есть...

Я попыталась представить рядом с ним другую женщину. Вряд ли мне это понравится, но что делать. Если любишь человека, принимаешь и его выбор. Именно так любила повторять мама.

Отец закончил разговор и подошел ко мне.

– Вяземские зовут на дачу.

– Поедешь?

– Если ты составишь компанию.

– Не особо тянет на природу...

– Тогда и я найду чем здесь заняться...

– Ладно, поехали, – засмеялась я, – не хочу, чтобы из-за меня ты шашлыка лишился.

– Шашлык не проблема. Мы можем...

– Поехали, – махнула я рукой. – Позвоню Илье, надеюсь,

он не против навестить родителей.

– Приехал еще час назад, тебе не звонил, боясь разбудить.

– Отлично, мы давно не виделись.

Через час мы на папиной машине отправились на дачу Вяземских. Собственно, с некоторых пор они жили в своем загородном доме постоянно, но по привычке именовали его дачей. В городской квартире теперь жил Илья – сын Вяземских и мой давний друг. Если он сегодня у родителей, значит, скучно не будет.

Очень скоро мы покинули город, по мосту перебрались на другую сторону реки и вдоль берега проехали еще пару километров. Коттеджный поселок «Парус» располагался в очень живописном месте. Дом Вяземских стоял у самой реки, вид из окон открывался потрясающий. Ворота были распахнуты настежь, на подъездной дорожке, кроме машины Ильи, серебристый «Мерседес» и здоровенный «Ниссан».

– Шуговы приехали, – заметил папа.

Алла Шугова была самой близкой маминой подругой. Они любили вспоминать, как начинали заниматься бизнесом, совсем еще девчонками торговали кожаными куртками, сами ездили за товаром к черту на кулички. Мама рано осталась сиротой, родители погибли в автокатастрофе, воспитывала ее бабушка. В наш город они с бабкой перебрались как раз после гибели маминых родителей. Жили трудно. Мама еще подростком начала работать. В рассказах подруг всегда было много смешного, но, думаю, первые деньги давались

тяжело, мама считала: эта работа их закалила, многому научила. Потом мама встретила папу, а Алла – своего Виктора Николаевича. Он был гораздо старше и к тому моменту далеко продвинулся на ниве российского капитализма. Алла могла бы вести жизнь домохозяйки, но ей это и в голову не пришло. Она продолжала работать и сейчас считалась одной из самых богатых женщин области. С мужем они развелись, затем вновь сошлись и последние десять лет сходились и расходились с завидной регулярностью, неизменно сохраняя прекрасные отношения.

Детей у них не было, возможно, в этом крылась причина, по которой обоим не жилось спокойно.

Приткнув машину рядом с «Ниссаном», папа достал из багажника корзину с вином и фруктами, и мы отправились на лужайку за домом, откуда доносились голоса.

– О, кто приехал! – заголосила Сонька, первой заметив нас, и поднялась с шезлонга, на котором лежала, закутавшись в плед.

Сонька – дочь Вяземских. Старше Ильи на семь лет. По этой причине она вечно нами командовала, иногда существенно отравляя нам с Илюхой жизнь. В детстве отец звал ее «прокурором», она им и стала. С моей точки зрения, работа для этой зануды самая подходящая.

Семейство Вяземских – сплошь юристы. Правда, Нина Дмитриевна много лет назад убрала свой диплом подальше в шкаф и редко о нем вспоминала. Муж делал карьеру, а

она обеспечивала тыл, это ее слова, а не мои. Основным ее занятием стала забота о собственной внешности, к пятидесяти годам она сделала столько пластических операций, что сама успела сбиться со счета. И теперь выглядела довольно странно. Рот сворачивало на сторону, когда она говорила, все остальное оставалось неподвижным. Илюха язвил, что с непривычки это пугает. Само собой, язвил, когда матери не было рядом, в семействе ее побаивались. Мой отец говорил в шутку: «Нина уже выглядит моложе Сони». В этом была доля правды, Сонька, в отличие от родительницы, за собой совершенно не следила, весила килограммов сто, и со спины вполне могла сойти за мать Нины.

Сам Вяземский был из тех мужчин, что работу предпочитали всему остальному, и на окружающее внимание обращал по минимуму. Он был давним другом моего отца, у нас хранилась фотография, где я сижу у него на руках в годовалом возрасте.

Андрей Викторович, для меня просто дядя Андрей, был председателем областного суда, Сонька делала карьеру в прокуратуре, а Илья подался в адвокаты. Из духа противоречия, надо полагать. Адвокатов в их семье не жаловали, однако с его выбором смирились. Теперь Нина шутила, что в семействе «всякой твари по паре».

Все дружно обратили на нас свои взоры, приветствуя на разные голоса. Папа расцеловался с дамами и пообнимался с мужчинами. Мне перепало и объятий, и поцелуев. Даже

Сонька соизволила приподняться и ткнулась носом в мою щеку, точно клюнула.

– Какие молодцы, что приехали, – улыбаясь, громко сказал дядя Андрей и увлек отца к мангалу, где мужчины готовили шашлык.

Илья остался рядом со мной, сунув мне в руки бокал вина, заявил:

– Классно выглядишь.

– Ты тоже, – кивнула я.

Чистая правда. Илюшка – красавец. В старших классах школы я была в него влюблена. И он в меня вроде бы тоже. Говорю «вроде бы», потому что он сам, похоже, был в этом не уверен. Он учился в Москве, и я, поступив в столичный вуз, лелеяла надежду, что мы будем вместе. Мы виделись довольно часто, но в отношениях особо не продвинулись, я по этой причине очень страдала и пыталась ситуацию изменить. Однажды набралась храбрости и пригласила его к себе, раз уж он сам до этого не додумался. Мы стали любовниками, после чего пыла во мне по неясной причине поубавилось. Так как у Илюхи его и раньше было не особо много, нечего удивляться, что отношения наши стали затухать и вернулись к исходной точке: мы вновь стали друзьями детства, иногда подшучивали друг над другом, намекая на любовь, которая не забывается, но на самом деле ни он, ни я всерьез об этом не думали.

Вот и сейчас он заявил с нежным придыханием:

– Обожаю тебя, – и весело подмигнул.

Его сестрица хмыкнула и отвернулась, а Нина сказала:

– Когда вы наконец поймете, что просто созданы друг для друга.

У родителей была давняя идея породниться. Впрочем, мой папа, в отличие от Нины, на сей счет помалкивал, не потому что идея больше не казалась ему привлекательной, просто не считал вправе ее навязывать.

Я устроилась в шезлонге рядом с Ниной, а Сонька спросила:

– Как твой шляпный бизнес? Процветает?

Ее мать взглянула укоризненно, а я ответила:

– Доход приносит. Правда, пока небольшой.

– С таким папой тебе нет нужды думать о доходе, – съязвила Сонька.

– Да уж, – влез Илья, обращаясь к сестре. – Тебе-то, конечно, с папой не повезло. Все сама, своим умом и талантом.

– Иди в задницу, братик, – хмыкнула Сонька.

А Нина рукой махнула:

– Хватит вам. Кстати, шляпы прелестные. Я купила две. И ты бы могла, если б хоть немного за собой следила.

– Начинается... – Сонька скривилась, демонстративно отворачиваясь.

Шляпный бизнес, как его именovala Сонька, – это небольшое ателье, которое я открыла, вернувшись после учебы домой. Папа рассчитывал, что я буду работать у него, но, узнав

о моих планах, возражать не стал. Хотя вуз я закончила экономический, но мне всегда хотелось что-то делать своими руками. Еще в школе я вязала самые немыслимые шапки себе и подругам, а еще очень любила рисовать.

Сонька, безусловно, права. Не будь у меня такого папы, вряд ли бы мечта осуществилась столь легко: папа помог с помещением и с деньгами, конечно, тоже. Но модели я создавала сама, и если бы они никуда не годились, вряд ли бы их стали покупать. А между тем мне пришлось взять еще одного продавца в свой небольшой магазинчик при мастерской. В интернет-магазине за полгода продажи выросли больше чем в три раза. Однако Сонька продолжала считать мою затею блажью избалованной девчонки.

Минут через пятнадцать нас позвали к столу, накрытому в беседке. Шашлык удался. Открыли еще две бутылки вина, шутили, смеялись, и я порадовалась за папу, он больше не хмурился, охотно участвовал в разговоре и выглядел вполне счастливым. Таким, как раньше.

Застолье длилось часа два, Шуговы вскоре уехали, мы с Ильей стали собирать посуду, отец с дядей Андреем сели играть в нарды, Сонька, набирая лишние килограммы, дрыхла теперь уже на качелях, а Нина устроилась в тенечке с книгой.

– Какие планы на вечер? – спросил Илья, когда я складывала посуду в посудомоечную машину.

– Прогулка под звездами и девичьи мечты в светелке.

– Может, дадим свободу нашим предкам?

– Думаешь, они в ней нуждаются?

– Они тоже люди, – засмеялся Илья. – Мы давно никуда не выбирались вместе... глупо тратить все выходные на семейные посиделки.

– Мне нравится.

– Мне тоже. Но досуг следует разнообразить.

– Есть предложение?

– А то. Серега Котов открывает сегодня ресторан после ремонта. Обещал, что будет весело.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Когда отправимся?

– Думаю, раньше семи там делать нечего. Пожалуй, пока вздремну. Ты как?

– Посплетничаю с твоей мамой.

– Тогда я пошел.

Илья отправился в свою комнату на втором этаже, а я вскоре присоединилась к Нине. Завидя меня, книгу она отложила.

– Хочешь чаю? – спросила с улыбкой. – Есть вишневое варенье.

– Мое любимое.

– Я помню.

Мы вернулись в беседку, включили электрический самовар. Я расставляла чашки, а Нина принесла варенье из холодильника.

– Мальчики, – позвала она, проходя мимо папы и дяди Андрея, которые устроились под раскидистой липой. – Хо-

тите чаю?

– Спасибо, – отозвался папа, не поворачивая головы.

– Мы предпочитаем вино, – махнул рукой дядя Андрей.

– Игра в нарды всегда казалась мне скучным занятием, – заметила Нина, разливая чай. – Ты ведь хорошо играешь?

– Не очень. Мама хорошо играла. Папа ей часто проигрывал.

– Да, – кивнула Нина, чуть нахмурившись. – Твоя мама – молодец.

– Нина Дмитриевна, – помедлив, начала я. – Я хотела вас спросить...

– Спрашивай.

Она внимательно смотрела на меня, забыв про чай.

– В тот вечер... когда родители в последний раз были у вас вместе... Они поссорились?

– С чего ты взяла? – удивилась Нина.

– Они спали в разных комнатах... Я подумала...

– Они не ссорились. Все это глупости, и мне не очень понятно, почему ты вдруг...

– Не вдруг, – мягко перебила я. – Мы с вами никогда не говорили об этом... но... меня ведь не было здесь. И кое-что осталось неясным...

– Твои родители – прекрасные люди, – заговорила она. Получилось почему-то нервно.

Что ее раздражало: мои вопросы, которые она считала бессмысленными, или необходимость говорить о том, что

она хотела бы скрыть?

— Они любили друг друга. И исчезновение твоей мамы никак не связано с твоим отцом. С их отношением друг к другу, я имею в виду.

— Тогда почему бы нам не поговорить о том вечере? — пожала я плечами.

Она едва слышно вздохнула.

— Хорошо. Что тебя интересует?

— Они поссорились?

— Нет. Это был отличный вечер, ничем не омраченный. Мы... мы точно вернулись в свою молодость. Дядя Андрей свою гитару притащил, представляешь? Мы пели, танцевали... и даже играли в бутылочку. Безумствовали, одним словом. И были счастливы.

— И выпили лишнего? Я папу имею в виду.

— Папу? Ты что, не знаешь своего отца? У него редкая способность сохранять трезвую голову, независимо от количества выпитого. Когда разъезжались, он единственный твердо стоял на ногах.

— А мама?

— Что мама? — вновь нахмурилась Нина.

— Она на ногах твердо стояла?

— О господи... Не понимаю, зачем тебе все это...

— Я же сказала: мне просто хотелось бы знать.

— Что знать? Хорошо, хорошо. Твоя мать была пьяна. Если честно, за все время нашей дружбы я никогда ее такой не

видела. Но это ничего не значит.

– Что «не значит»? – теперь уже я переспросила.

Нина досадливо покачала головой.

– Она не ссорилась с твоим отцом. Они были счастливой парой.

– Вы это повторяете, как мантру.

– Я говорю правду. Кто бы там чего тебе ни наболтал.

– Значит, наболтать все же могли?

Нина с минуту меня разглядывала с явным раздражением. Невероятно, но так и есть, и это при том, что человек Нина очень сдержанный, если не сказать равнодушный. Не припомню, чтобы она когда-нибудь реагировала столь эмоционально. Само собой, у меня тут же возникли самые черные мысли. А как иначе?

– Нюся, – довольно быстро справившись с собой, заговорила она ровным голосом. Впрочем, он и до этого на крик не срывался, а вот взгляд остался прежним. На сей раз «Нюся» вызывало у меня легкий приступ изжоги, я уже собралась сказать «не зовите меня так», но тут стало интересно, потому что Нина произнесла:

– Когда подобное происходит, слухи неизбежны. Люди любят трясти чужое грязное белье.

– Оно меня, кстати, тоже очень занимает.

– Почему, скажи на милость?

– Ну это просто... Моя мать исчезла, и я хочу знать, не было ли для этого причин.

– Ее нет уже четыре года. Этим делом занимается полиция. А еще твой отец с целой толпой частных сыщиков. Хотя дядя Андрей предупреждал: это пустая трата денег.

– Почему?

– Потому что полиция ничего сделать не смогла, вот почему, – зашипела она, должно быть, опасаясь, что нас кто-то услышит. – Уж можешь мне поверить, они старались. У твоего отца есть друзья, которые очень хотели помочь. Мой муж, к примеру. Да он трижды в день звонил полицейскому начальству. Отец обещал крупную сумму за любые сведения о Татьяне. Никаких следов.

– Вы тоже считаете, что ее убили? – вздохнула я.

Нина вновь довольно долго рассматривала меня, но взгляд изменился: будто я больная, которой никто не может помочь.

– Бедная девочка, – наконец, сказала она, – ты ищешь причину, по которой Таня... просто уехала? Бросив тебя и мужа?

Я мысленно усмехнулась – одна причина у меня, безусловно, есть: возле дома болтается тетка, подозрительно похожая на мою мать, а на день рождения я получаю поздравление, подписанное «мамочка».

– Разные бывают обстоятельства, – философски заметила я.

– Да? Какие же?

– Например, у папы был роман. А что, такое бывает. Жи-

вут-живут люди, а потом бац, один из них решает, что ему нужны перемены.

– Хотела бы я знать, кто тебе все это наболтал? Эта змея Ольга?

Надо полагать, в виду имелась секретарша мамы, другой женщины с таким именем я не знала и тут же решила непременно с ней встретиться. А Нина между тем продолжила, понизив голос до шепота:

– Твой отец никогда... Он любил ее, только ее...

– Иногда любят одних, а спят с другими, – пожалала я плечами. – Вы о таком не слышали?

В то же мгновение я подумала: она меня ударит, таким бешенством полыхнул ее взгляд.

– Не знаю, зачем тебе это нужно, но все было с точностью до наоборот.

– Я видела, что между ними что-то происходит, – миролюбиво заговорила я. – Они перестали приезжать вместе...

И тут до меня дошло: Нина этой фразой «с точностью до наоборот» могла иметь в виду совершенно другое.

– У мамы был любовник? – брякнула я.

– Тихо, – зашипела Нина. – Отец ничего не знает. Никто ничего не знает.

– Только вы?

– Наверное.

– И вы не сообщили об этом следователю?

– Не о чем было сообщать. Я не знала, кто он такой.

– Мама о нем не рассказывала?

– Нет.

– Тогда как вы...

– Как и ты. Сообразила, что что-то не так. Хотела поговорить с ней. Думала, твой отец... даже лучшие из мужиков иногда ведут себя, точно идиоты. Между прочим, у дяди Андрея был роман на стороне. Двадцать лет назад. Можешь в такое поверить? Я хотела с ним развестись, но твоя мать меня отговорила. И оказалась права. Я собиралась сделать то же самое. Напомнить ей ее собственные слова и убедить не торопиться...

– И что мама?

– Сказала, что Алексей лучший в мире муж, прекрасный человек и она его не заслуживает, после чего разрыдалась. Что я должна была подумать?

– Вы только подумали или спросили?

– Знаешь, ты очень на нее похожа, – усмехнулась Нина. – Временами она была такой въедливой, что хотелось, чтобы она, наконец, замолчала.

– Сейчас это вряд ли возможно, в данной фазе разговора, я имею в виду.

– И выражаешься практически так же. Конечно, я спросила. Она разрыдалась еще больше. Сказала, что это была ошибка. «Не вздумай каяться мужу», – сказала я, а она ответила: «Ложь никого не спасет». Я потратила битый час, чтобы убедить ее не делать глупостей. Она поклялась, что бу-

дет молчать. И, разумеется, порвет с тем типом. Собственно, они уже и расстались. По крайней мере, Татьяна меня уверила в этом.

– Она назвала имя?

– Нет. И ничего о нем не рассказывала. Да я и не хотела знать. Я слишком хорошо отношусь к твоему отцу. И как, скажи на милость, я бы стала ему в глаза смотреть?

– То есть вы ничего о ее любовнике не знаете?

– Ничего. Поэтому и промолчала. Я бы лишь выставила твою мать в дурном свете, но ничем бы не помогла.

– А если этот любовник...

– Такая мысль и мне пришла в голову. Но к моменту нашего разговора они ведь расстались, после этого прошло два месяца, мы виделись за это время много раз, и она и словом не обмолвилась о том, что он каким-то образом выражает недовольство. Татьяна заверила, что все кончено, сказала «мы оба поняли, это было ошибкой». Ко всему прочему, он был моложе ее. Намного. Любовь к даме в возрасте недолговечна, лично я считаю подобное ловким прикрытием корыстных интересов. Речь необязательно идет о деньгах...

– О том, что он моложе, сказала мама? Может, еще что-то рассказывала?

– Ничего она не рассказывала, – буркнула Нина. – Просто произнесла: «Как я могла увлечься глупым мальчишкой». Можно и в пятьдесят быть болваном, но именно так тебя и назовут, а не «глупым мальчишкой». Кто-нибудь из подчи-

ненных, из тех, что вечно мелькают перед глазами. Был рад оказаться любимчиком хозяйки, но потом сообразил: мужа она не бросит, а вот неприятности ему обеспечены, если хозяин узнает. Придется другое место искать. Сдрейфил и стал талдычить про ошибки. Думаю, в тот момент Татьяна еще от этой страсти не отошла. Уж очень рыдала. Дело не только в угрызениях совести, но и в досаде, что все быстро закончилось. Но это мои домыслы, как ты понимаешь.

– Вот именно. А если вы ошибаетесь и это мама бросила его, а он затаил обиду и решил отомстить?

– Нюска, ты в семье юристов, последние тридцать лет я только и слышу о том, кто на что способен... Ты задала вопрос: считаю ли я, что твоей мамы нет в живых? Ответ положительный. И дело не в ее любовнике. Если при всем старании не на-шли никаких зацепок...

– Значит, убийца никак с ней не связан?

– Именно это я и хотела сказать. Киллер в данном случае тоже не подходит. На тот момент не было у твоих родителей смертельных врагов. Это первое, что проверили самым тщательным образом. К тому же логичнее было начать с Алексея. А еще логичнее устранить обоих разом.

– Случайное убийство?

– Другого объяснения нет.

Я подумала, что она почти дословно повторяет слова отца. Впрочем, скорее всего, они это не раз обсуждали. Нина, должно быть, считала разговор оконченным и очень удиви-

лась, когда я продолжила:

– Мама переживала из-за своей измены... и вполне могла рассказать все папе, несмотря на данное вам слово.

– Твоя мать – умная женщина, с какой стати ей разрушать свою жизнь, каясь в былом грехе, если она сразу этого не сделала?

– Но ведь папа мог догадаться. Вы же обратили внимание на кое-какие странности, а ему что мешало?

– Мужики, Нюся, мало что видят и о любовниках жены в основном узнают последними. Что ты от меня хочешь? Точнее, в чем ты подозреваешь своего отца?

Вопрос вызвал легкую оторопь. Хотя Нина права... Чего я, собственно, добиваюсь? Пытаюсь понять, а не скрывает ли от меня отец какую-то страшную тайну? Кстати, почему бы и нет? Это лишь на первый взгляд кажется, что подобное – нелепость. Предположим, мама сбежала с любовником, и отец об этом знает. И молчит, дабы не бросить тень на светлый образ матери. Я это серьезно? Бред. Хотя есть люди, которые, пожалуй, могли решить: бесследно исчезнувшая мать лучше матери, бросившей свою семью ради любовника. Но это точно не про моего отца.

– Я была слишком занята собой, – ответила я, разводя руки, – и понятия не имела, что здесь происходит, а теперь хочу выяснить. Что в этом плохого? Мы ведь с вами близкие люди, вполне естественно поговорить по душам.

Я продолжила в том же духе, даже не желая гадать, кому

пытаюсь морочить голову, Нине или себе. Нина все выслушала, криво усмехнулась и спросила:

– Ты считаешь, в тот вечер между ними что-то произошло? Твоя пьяная мать выболтала свой секрет? И они поссорились?

– Они ночевали в разных комнатах.

– Вот как? Тебе отец сказал?

– Прочитала в газетах. Папа объяснил это тем, что выпил лишнего, а выпив лишнего, он храпит. Но, по вашим словам, он не был пьян...

– Пьяные женщины ненамного приятнее мужчин.

– И тоже храпят?

– Твой отец так предпочел сказать следователю, чтобы у того не возникло мысли, будто твоя мать дружила с бутылкой. Мы все знаем, что это чушь, но они могли решить именно так. Твой отец – джентльмен.

«Кто спорит, – подумала я. – Интересно, что еще он предпочел скрыть, чтобы не бросить тень на жену».

– Я не знаю, что у них произошло дома. Раз уж меня там не было, мои слова мало что значат, но... твоя мать выпила лишнего не с горя, а с радости. В тот вечер мы все были счастливы: такое не часто бывает, даже со старыми друзьями. Я еще порадовалась, глядя на нее: кризис прошел, и теперь все хорошо. И твой отец смотрел на жену любящими глазами. Короче, она не напивалась с горя, чтобы набраться храбрости и покаяться в грехе.

– Надеюсь, что так, – кивнула я, подумав при этом: «Отец смотрел на нее любящими глазами, она была счастлива, но легли они в разных спальнях».

Почему бы и нет, кстати? Они ведь не юные любовники, и общая постель никуда от них не денется. Утром отец предпочел не будить ее и уехал на работу. А мама отправилась в офис ближе к обеду. Теперь понятно почему. Но что-то во всем этом мне упорно не нравилось. На самом деле мне не нравилось письмо за маминой подписью и мои глюки. Или не глюки.

В этот момент из дома вышел Илья, потянулся, потер глаза и направился к нам. Нина заметно напряглась, а я подумала: чего она боится? Ее пугает, что я продолжу разговор при Илье? С какой стати?

– Если ты хочешь переодеться, то нам пора, – все еще позевывая, сказал Вяземский-младший.

Я кивнула, поднимаясь.

– Спасибо, Нина Дмитриевна. Пойду скажу всем «до свидания».

Она улыбнулась и помахала рукой, вздохнув с заметным облегчением.

Через несколько минут мы уже были в машине Ильи. Отца я предупредила, что ночевать буду у себя. Вернусь, скорее всего, поздно, вот и не хочу его беспокоить.

– Надеюсь, вы отлично проведете время, – улыбнулся папа.

Когда мы уезжали, родители стояли возле беседки и смотрели нам вслед. Нина была рядом с моим отцом и выглядела слегка встревоженной.

– Чем тебя маменька грузила? – спросил Илья. – Небось сетовала, что я идиот, раз до сих пор не сделал тебе предложение?

– Твоя мама куда умнее, чем ты думаешь. И это я ее грузила.

– Ты? – вроде бы удивился Илья.

– Жаловалась, что ты до сих пор не сделал мне предложение, – усмехнулась я.

– Вполне возможно, что этим все и кончится, – в тон мне ответил он. – Лучшей жены мне все равно не найти.

– Ты не привередлив.

– Ничего подобного. Ты умна, у тебя есть чувство юмора, к тому же ты красавица. Да еще с приданым. Я знаю тебя сто лет, и ты никогда не действовала мне на нервы.

– Все еще впереди.

– Ну да, – кивнул он. – Но выйти замуж все равно придется, почему бы не за меня?

– Звучит очень романтично.

– Маменька всегда твердит: надо смотреть не друг на друга, а в одну сторону.

– Кто ж будет спорить с маменькой?

– Давай махнем на Гоа? Или на Бали. На полгода, на год... Как тебе идея?

– Идиотская.

– Я серьезно.

– Я тоже.

– На тебя не угодишь, то тебе романтизма не хватает, то...

– А как же твоя адвокатская практика? И мои шляпы?

– Твои шляпы подождут, и моя адвокатская практика тоже. Поживем в раю, заодно поймем: нужны ли мы друг другу?

Я подумала, что идея не так уж и плоха, но сказала совсем другое:

– Я разговаривала с Ниной Дмитриевной о своих родителях. О том, что произошло в тот вечер, когда они были у вас в гостях. В последний раз...

Илья притормозил и посмотрел на меня внимательно, а я продолжила:

– Между ними что-то происходило...

– Ты имеешь в виду... Да, – кивнул он, – я ведь в тот вечер был у предков, и твоя мать... она...

– Выпила лишнего? – подсказала я.

– При мне не особо. Я ушел часа через два, оставив их предаваться воспоминаниям. Она была... какая-то дерганая. Смеялась невпопад... точно под кайфом. Извини...

– Точно под кайфом? – нахмурилась я. – А мой отец?

– Как обычно, – пожал он плечами. – Она то и дело обращалась к нему. Вроде как подначивала. И просто сыпала предложениями: давайте то, давайте это... Я еще подумал,

такое впечатление, что она чувствует себя виноватой.

– Перед отцом?

– Наверное, – неуверенно ответил Илья. – Знаешь, когда отчебучишь чего-нибудь, а потом хочешь подмазаться... Черт, что-то не то я говорю...

– Все нормально. Я сама полезла с расспросами.

– Можно узнать почему? Все это время ты предпочита-
ла... не говорить об этом. Мамуля даже предупредила: «При
Нюсе ни слова о Татьяне».

– Она так говорила?

– Ну да. Все старались тебя оберегать.

– А что ты думаешь о моей матери?

– В каком смысле? – удивился Илья.

– Что она за человек?

Вопрос поставил его в тупик.

– Ты это серьезно? – неуверенно произнес он.

– Еще как.

– Ну... хороший человек... Я ж ее с детства знаю. Всегда с
подарками приходила... Вертолет мне из Америки привезла,
помнишь?

– А кроме вертолета?

– Я понимаю. Это звучит ужасно глупо, но... именно так
оцениваешь друзей своих родителей. Она никогда не сделала
ничего такого, чтобы я мог решить: она злая. Или вредная.
Ценные сведения, а? Кстати, а что ты можешь сказать о моих
родителях?

– Примерно то же, – ответила я.

– Я планирую на тебе жениться, – хмыкнул он, – но это в будущем, а в настоящем... я твой друг. Ведь так? – Теперь спрашивал он серьезно.

– Так, – кивнула я.

– Тогда скажи, что происходит?

Можно было повалять дурака, но не хотелось. И я ответила:

– В день рождения я получила письмо по электронке. Подписанное мамой. С поздравлением.

– Ничего себе... – пробормотал он. Судя по всему, новость произвела на него впечатление. – Ты... думаешь... это она? – слова Илье давались с трудом.

– Я думаю, это дурная шутка. Да вот в голову не приходит, кому вдруг вздумалось так шутить.

– Да уж... странно. Я бы сказал, очень странно. А твой отец? Он писем не получал?

– Не знаю. Возможно. По-твоему, следует поинтересоваться?

– Сказать ему о письме – вне всякого сомнения. Чушь какая-то... Если бы он получил от нее письмо, то непременно бы сообщил... следовательно и, конечно, тебе...

Мы посмотрели друг на друга, и, судя по выражению его лица, мысли наши были схожими.

– Давай попробуем отследить это письмо, – через полминуты предложил Илья.

– Это возможно?

– Надо попробовать. Есть у меня один умелец... Хочешь, привезу его завтра?

– Хочу. А сейчас давай забудем об этом, – сказала я. – Меня и так совесть мучает, я испортила тебе вечер.

– Глупости. Не вздумай от меня ничего скрывать. Наш союз будет основан на доверии.

– И долго не протянет.

– Это еще почему?

– Есть вещи, о которых лучше не знать.

– Например?

– Включи воображение.

– Типа того, что я пукаю во сне?

– Хороший повод отказать тебе в руке и сердце, – засмеялась я, а он кивнул:

– Понял. Без таких откровений мы, пожалуй, обойдемся. А вот все остальное... помни, я всегда на твоей стороне.

На этой оптимистичной ноте мы и закончили. Илья привез меня домой и вместе со мной поднялся в квартиру. Сказал, что хотел бы взглянуть на письмо, но я возразила. Это вполне подождет до завтра. Разговор с Ниной оставил неприятный осадок, я так и не поняла почему, вот и спешила отвлечься.

Я переодевалась, а Илья хозяйничал в моей кухне, приготовил кофе, потом раскритиковал мой наряд, с его точки зрения, чересчур скромный.

– Юбку можно покороче, а вырез поглубже, – заявил он, когда я появилась в кухне.

Я показала средний палец, и дискуссия на этом закончилась.

По дороге в ресторан мы говорили исключительно о пустяках, но, хорошо зная Илью, я не сомневалась: мысленно он то и дело возвращался к моим словам.

Парковка была забита машинами. Автомобиль Ильи пришлось оставить на противоположной стороне улицы. Возле входа в ресторан толпился народ, такое впечатление, что мы на мировой премьере или концерте рок-группы. Хозяин ресторана обретался в холле, желая каждого поприветствовать лично, что и создало толпу на входе.

Котов был другом Ильи еще со школы и моим тоже, раз уж мы долгое время были с Ильей неразлучны. В приталенной рубашке и узких джинсах он выглядел довольно забавно, рост у него самый что ни на есть средний, а вот десятком лишних килограммов он обзавестись уже успел. Волосы его заметно редели год от года, и он стриг их так коротко, что сквозь них виднелась розоватая кожа. В настоящий момент он был красным, точно рак, и отчаянно потел, хотя кондиционеры работали на полную мощность. Рядом с ним две девушки торопливо делали пометки в списках приглашенных. Обе были похожи, словно сестры, и обе – любовницы Кота, так называл Илья друга еще со времен их общего детства.

– О, привет, – шагнул Сергей нам навстречу. – Очень рад, что пришли. Анжела, какой у них столик?

– Семнадцатый, – ответила Анжела.

– Семнадцатый, – повторил Сергей. – Вы будете вдвоем, я подойду попозже, а сейчас извините...

Мы собрались пройти в зал, и тут я услышала за своей спиной:

– Классная задница... – Обернувшись и в двух шагах от себя увидела мужчину лет тридцати, он нахально меня рассматривал, сунув руки в карманы джинсов. Одного взгляда на него хватало, чтобы понять: парень родился в рубашке, причем не в простой, а в самой что ни на есть эксклюзивной, стоившей прямо-таки немислемых денег.

– Вы мою задницу имеете в виду? – спросила я, а он развел руками, мол, чью же еще. – Удивили. Я думала, вам по нраву другие задницы.

Парень засмеялся, но смотрел недобро.

– Сам напросился, – протягивая ему руку, сказал Илья, – нечего цепляться к моей девчонке.

– Твоей девчонке, – хмыкнул тот, пожимая руку. – Ты уверен?

– Иди к черту, Лео.

– Познакомишь нас?

– Лео – это Леопольд? – влезла я. – Как в мультике?

– Холодно, милая, – вновь хмыкнул он и обратился к Сергею: – Как зовут твою гостью, Кот?

– Анна, – ответил Котов, торопясь навстречу очередным прибывшим.

Лео повернулся ко мне и сказал:

– Ньюска тебе подходит больше.

Бог знает откуда появившиеся девицы подхватили его под руки, и он отправился с ними в зал, весьма довольный собой.

– Не обращай внимания, – сказал Илья, обнял меня, и мы отправились следом.

Распорядитель в зале указал нам семнадцатый стол, совсем крохотный, но я порадовалась, что мы будем вдвоем. Лео оказался неподалеку, за столом, кроме него и девиц, сидели еще двое типов, поглядывающих по сторонам с надменными улыбочками.

– Кто это? – спросила я Илью.

– Где?

Я закатила глаза.

– Придурок, нахамивший мне в холле.

– А-а-а... Лео Берзинь. Неужто не слышала?

– Он что, звезда сериалов? Хотя сериалы я не смотрю.

– У него изжога начнется, если он узнает, что ты ничего о нем не слышала.

– Он в самом деле Леопольд?

– Нет. На самом деле он Леонид, но, согласись, называть его Леной язык не поворачивается. Так что он еще со школы Лео.

– А чем знаменит?

– Ну... фамилия в городе известная. Его папаша сколотил состояние в девяностые. Сейчас об этом стараются не вспоминать, но он был обычным бандитом. Впрочем, нет, не обычным. Очень удачливым. Не только бабла нахапал, но и жизнь сохранил. И даже не привлекался ни разу. Сынка отправил учиться в Англию. Тот знает два или три языка, выглядит кинозвездой, в чем ты сама можешь убедиться, но, по сути, мало чем отличается от папашки. Яблоко от яблони... Берзинь-старший формально от дел не отошел, но, говорят, всем сынок заправляет. И папаше иногда приходится его сдерживать. Уж очень крут. А «очень» в понимании его папы и нашем с тобой вряд ли совпадают. Мой отец как-то сказал об этой семейке: для них в таких вопросах, как убить или не убить, нет дилеммы. Им куда труднее выбрать галстук.

– Мнению твоего отца я склонна доверять.

– Я тоже. Впрочем, сыночек от папашки все-таки отличается, и не только внешним лоском. Умнее, хитрее, расчетливее...

– И подлее, я думаю, – добавила я. – Похоже, ты с ним хорошо знаком.

– Кот с ним дружит.

– Кот дружит со всеми.

– Такой уж он человек, – пожал плечами Илья.

В этот момент на импровизированную сцену поднялся хозяин ресторана. Все дружно захлопали, выкрикивая при-

ветствия, и вечер начался. Надо признать, он удался. Было по-настоящему весело и интересно. Лишь одно грозило его испортить: меня так и подмывало повернуть голову, чтобы взглянуть, что происходит за столом Берзиня. Одна из девиц пристроила голову на его груди. Не бог весть что, но почему-то я это отметила. Особо удивляться моему любопытству не приходилось, раз уж мы с Ильей потратили столько времени на разговор об этом типе. И все-таки я бы предпочла забыть о нем. Мгновенная амнезия. И, словно против воли, я вновь поворачивала голову. Один раз наши взгляды встретились, и он нахально мне подмигнул, разом отбив охоту оглядываться. Жаль, что надолго меня не хватило.

Продолжая наблюдать за ним, я констатировала: никакого интереса ко мне он не проявлял. Зато отлично проводил время. По невероятной причине это показалось обидным. Я даже домой засобиралась, вызвав глубочайшее удивление Ильи: все отлично, завтра выходной, так куда спешить? В конце концов я решила получать удовольствие, что вполне удалось.

Когда гости стали разъезжаться, мы столкнулись с Берзиным в холле еще раз. Собственно, назвать это стычкой все-таки нельзя. Он заметил нас, когда мы шли к выходу. Двумя пальцами указал на свои глаза, потом на меня и послал воздушный поцелуй. Одна из девиц, которая была с ним, обратив на это внимание, что-то спросила, он ответил, и оба весело засмеялись. А я покраснела. Злясь на себя и на Лео.

Понятно, что смеялись они надо мной. Ну и хрен с ними. С какой стати принимать это близко к сердцу? В общем, я покинула ресторан, мысленно матюгаясь. Илья добавил масла в огонь, вдруг заявив:

– Не вздумай в него влюбиться. – В голосе слышалась неподдельная тревога, и это окончательно доканало.

– Он что, педик? – скривилась я.

– Если бы, – закатил глаза старый друг. – Ты же видишь, сколько девок возле него вьется? И зря стараются, между прочим. Для таких, как он, чувства ничего не значат. А ты девушка романтическая.

– Это кто сказал?

– Ты заслуживаешь кого-то получше Лео Берзиня.

– Сама знаю. Я – девушка-мечта и заслуживаю самого лучшего.

Илья довольно кивнул, и на этом можно было бы поставить точку, но пока мы шли к машине, Берзинь с двумя девицами появился на парковке. Само собой, тачка у него оказалась спортивной и, конечно, дорогой.

– Просаживать папашкины деньги и дурак сможет, – заявил Илья, он, как и большинство мужчин, к машинам относился ревностно.

– Так он – дурак? – порадовалась я.

– Нет, – заводя машину, отозвался Вяземский с заметной неохотой, ибо воспитан был правильно и врать не любил. – Соображает неплохо, да и в Англии его чему-то научили.

По общему мнению, он талантливый парень, и предпринимательская жилка у него есть... а также паскудный характер и полное неуважение к остальному человечеству.

– Может, тогда не стоит тратить на него столько времени? – спросила я.

– Я проявляю беспокойство, что вполне естественно. Девушки, особенно романтические, часто влюбляются не в тех.

– Это то, что роднит нас с мухами, – кивнула я. – Вечно тянет на дерьмо.

Само собой, предостережения Ильи никак на меня не подействовали, да и кого они когда-нибудь останавливали? Я продолжала думать о Берзине, оправдываясь, что помечтать о том, как я утру ему нос, не вредно. Но в реальной жизни нам лучше не встречаться.

Через полчаса мы простились с Ильей возле моего подъезда, вопросительно взглянув друг на друга и поцеловавшись. Вполне дружески. Стоит ли торопиться с объятиями, если наша большая любовь отложена на потом. Поднимаясь на лифте, я, как обещала, отправила папе СМС: «Я дома», вошла в квартиру, сбросила туфли, и тут раздался сигнал домофона. Я решила, что это Илья, и пошла открывать, гадая, что ему вдруг понадобилось. Неужто решил светлое будущее не откладывать и немедленно заняться любовью? Это он не угадал, сегодня явно не его день.

Готовясь произнести что-нибудь веселое, я подошла к двери, взглянула на экран домофона и пораженно замерла.

Женщина в белом плаще стояла, опустив голову, лампочка у подъезда была тусклой, и изображение – слегка размытым, но когда, шагнув в сторону, она подняла лицо, я уже не сомневалась: передо мной моя мать.

– Мама, – пробормотала я, хватая трубку, и заорала отчаянно: – Мама!

Женщина вздрогнула, точно от испуга, и вдруг исчезла с экрана.

Я нажала кнопку, открывая дверь подъезда, но в подъезд так никто и не вошел.

– Мама, – беспомощно повторила я и бросилась из квартиры.

На то, чтобы спуститься вниз, потребовалось несколько минут, когда я распахнула дверь подъезда, двор был пуст, но на выезде из двора стоял джип с тонированными стеклами. Тут я вспомнила, что не взяла ключи. Если дверь закроется, придется торчать во дворе или ехать к отцу, поднять его с постели среди ночи. Соседей в это время беспокоить уж точно не стоит. Однако вернуться к себе, так ничего и не выяснив, то есть даже не попытаться, я не могла.

Взгляд мой упал на урну, стоявшую рядом с дверью, я попробовала подтянуть ее к двери, однако она оказалась намертво прикрученной к асфальту. Оставалось одно: сунуть тапку под дверь, что я и сделала. И теперь оглядывала двор. Белый плащ в темноте должен быть замечен. Никакого движения. Я прошла до конца дома, то и дело косясь на джип.

Затем решительно направилась к нему.

Где-то на полдороге я услышала, как заработал мотор, ускорилаь, а джип тронулся с места.

– Эй! – крикнула я и, поняв, что останавливаться он не намерен, стукнула рукой по заднему крылу.

Обычно водители на это реагируют сами знаете как. При тормозил бы уж наверняка. Но этот поспешно скрылся.

Я попыталась запомнить номер, не особо на это рассчитывая, в состоянии ирреальности, в котором я находилась, буквально все вызывало сомнения.

Поспешно вернувшись к подъезду, я обулась и, поднявшись по лестнице, некоторое время сидела на подоконнике между первым и вторым этажами, таращась в окно. Ничего не происходило, во дворе по-прежнему ни души. Я гадала: была ли в той машине моя мать? И пыталась решить, что делать дальше. Рассказать отцу? Что за причина заставляет мою мать вести себя подобным образом? Какой в этом смысл? Допустим, у нее есть для этого повод. Сейчас не важно какой. Она ищет встречи со мной. Со мной, а не с отцом. В обоих случаях она бросилась бежать, не сказав мне ни слова. Ее кто-то напугал? Водитель джипа? Возле дома отца никаких машин не было. Может, это призыв к действию? И я должна сама найти ее? Честно говоря, я сомневалась, что это моя мать. Уж очень подобное поведение не вяжется с ее образом. Но похожесть пугала, и неизменное «а вдруг» сводило на нет все доводы разума.

Я вернулась в квартиру, но до утра так и проторчала возле окна и почти убедила себя: кто-то затеял со мной игру. Смысла в ней я не видела и о цели не догадывалась, но отцу решила ничего не рассказывать, пока не ясно, какое он имеет отношение к ее исчезновению. Эта мысль вызвала откровенную панику, но я точно знала: отмахнуться от нее не получится.

Утром, когда я еще крепко спала, явился Илья. Настоящий звонок поднял меня с постели, на пороге я обнаружила старого друга в компании длинноволосого парня в мятой футболке и драных джинсах. Выглядел он так, словно неделю не спал, а обретался все это время на улице.

Представить, где и как пересеклись их пути с Вяземским, фантазии не хватило, но, судя по всему, они были давними приятелями.

– Привет, – сказал Илья. – Это Степа. Степа, это Аня.

Тот кивнул, глядя сквозь меня, и лаконично осведомился:

– Где?

Надо полагать, он имел в виду компьютер.

Я молча ткнула пальцем в нужном направлении, тоже решив на слова не тратить.

Парень устроился за моим рабочим столом и принялся напевать, а Илья шепнул мне:

– Степа – гений, вот увидишь...

Что я увижу, осталось до конца не ясным. Степа спросил пароль, вошел в мою почту, нашел нужное письмо. Дальше

начались странности. Письмо содержало файл, в котором, собственно, и было поздравление. Открытка с розочками и коротким текстом. Степа кликнул на квадратик файла с намерением его открыть, в ту же секунду изображение начало точно растекаться по экрану. Степины пальцы порхали по клавиатуре, квадрат исчез, а Степа выругался.

– Что? – спросил Илья, как и я, плохо понимая, что происходит.

– Ты файл только один раз открывала? – повернулся ко мне Степа.

– Да.

– Ясно.

– Мне – нет, – честно сказала я.

– При попытке сделать это вторично включается программа самоуничтожения.

– Ну и?.. – нахмурился Илья.

– Ну и файла больше нет.

– А такое возможно?

– Ты же видишь.

Некоторое время мы таращились друг на друга, потом я спросила:

– Ты можешь что-нибудь узнать о том, кто письмо отправил?

Его руки вновь заскользили по клавиатуре, некоторое время мы молча наблюдали, стоя за его спиной, потом, решив не досаждать, переместились на диван.

Наконец Степа повернулся к нам и сказал удовлетворенно:

– Крутой чувак.

– Ты? – не дождавшись продолжения, спросила я.

– Не-а. Он. – Степа ткнул пальцем в экран за своей спиной. – Я могу потратить еще кучу времени, но вряд ли что найду.

– Супер, – расплылась я в улыбке. – Спасибо за помощь.

– Реально крутой чувак, – кивнул он.

– Почему чувак? Это не может быть женщина?

Он пожал плечами, давая понять, что сие не особо его волнует, и потопал к входной двери. Так как он не разулся при входе, то и обуваться ему не пришлось, в общем, он покинул нас весьма быстро.

– Гений, – сказала я. – И парень классный. Влюбиться, что ли?

– Ну зачем ты так... – вздохнул Илья. – Если Степа чего-то не смог, значит, сделать это в принципе невозможно.

– Я что, спорю?

Илья некоторое время смотрел куда-то перед собой и вдруг заявил:

– Хреново.

– А то, – кивнула я.

– Ты понимаешь, что происходит? – нахмурился он.

– Письмо исчезло.

– Я не об этом.

– А о чем?

– Дурная шутка теперь шуткой вовсе не кажется.

– Она мне с самого начала не приглянулась.

– Нюся, – укоризненно произнес он. – Все куда серьезнее... Ты понимаешь?

– Когда ты дважды задаешь один и тот же вопрос, я начинаю чувствовать себя идиоткой. Я ее видела, – помедлив, сказала я, держать это в себе не было сил. Кому ж довериться, как не старому другу, да еще без пяти минут мужу.

– Кого? – не понял он, бестолковость в данном случае извинительная.

– Маму.

На сей раз Илья даже спрашивать ничего не стал, только моргнул в полном обалдении, а я рассказала о встрече возле дома отца и ночном визите.

– Если бы не письмо, – выслушав меня, заговорил он, – я б решил: ты не в себе.

– Так и есть. Мозги закипают, когда я думаю об этом.

– Ты уверена, что это твоя мать?

– Нет. Не уверена. И слава богу.

– В смысле?

– В смысле, если это в самом деле она, значит, моя мать спятила. Другого объяснения я не нахожу.

– Бывают разные обстоятельства...

– Бывают. Вот только зачем показываться, а потом убежать?

– Не знаю.

– Если она смогла отправить поздравление, почему бы заодно не сообщить, что с ней произошло?

– Что, если... возможно, ее контролируют. Она может делать лишь то, что ей приказывают. Понимаешь, о чем я?

– Идиотская привычка.

– Что?

– Ты опять спросил: «Понимаешь?»

– Извини. Я нервничаю. Что ты собираешься делать?

– Понятия не имею.

– Отец в курсе?

– Нет.

– Почему?

– А ты подумай.

– Черт... Она очень на нее похожа?

– Очень. Но есть одно «но»: оба раза я видела ее ночью.

И не имела возможности как следует рассмотреть.

– Допустим, это она. Ее исчезновение, а теперь и возвращение, скорее всего, связаны с деньгами. Будь это банальной любовной историей, к чему все эти тайны? Она сама или тот, кто ее контролирует... в общем, их цель, скорее всего, твой отец. Другой вариант: это просто похожая женщина, но цель и в этом случае та же самая. Других вариантов у меня нет.

– Может, кто-то решил свести меня с ума? Чем не вариант?

– А смысл?

– Удовольствие при виде моей безумной рожи.

– Тогда ты кому-то здорово досадила. Ничего не припоминаешь?

– Нет. Хотя потратила кучу времени.

– Значит, следует вернуться к более правдоподобной версии. Твоя мать исчезла четыре года назад. А вся эта хрень началась только сейчас. Так? Вопрос: почему? Что вдруг случилось?

– Возможно, отцу кое-что известно об этом, – пожала я плечами.

– Отчего бы не поговорить с ним?

Я взглянула выразительно, а он досадливо скривился.

– Тогда... выход один: ждать развития событий.

А что он мог еще предложить? Злилась я на него совершенно напрасно, в мою голову гениальные идеи тоже не заглядывали.

Простившись с Ильей, я отправилась к отцу с твердым намерением все ему рассказать, тем самым сняв с души тяжкий груз и переложив все на его плечи. В конце концов, родители для того и существуют.

Папа стоял на крыльце и что-то вертел в руках. Что-то похожее на конверт. Вид у него при этом был озадаченный. Отец улыбнулся мне и помахал рукой в знак приветствия, теперь сомнений не осталось: это действительно конверт.

– Привет, – громко сказал папа, когда я вышла из машины.

Я поднялась по ступеням и поцеловала его.

– Что это? – кивнула я на конверт в его руках.

– Сам не пойму. Только что вынул из ящика.

– Обратного адреса нет.

– Какая-нибудь ерунда. Кто сейчас отправляет письма по почте?

Мы вошли в дом, и он спросил:

– Как вчера отдохнули? – Письмо небрежно бросил на барную стойку.

– Отлично. Было очень весело.

– Вы с Ильей, по-моему, прекрасно ладите.

– Мы ведь друзья. К тому же у него нет девушки, по крайней мере, постоянной, а у меня нет парня.

– Вот как... а я, признаться, думал...

– Папа, – улыbnулась я, – мы с детства слышим от вас, что мы жених и невеста, и это уже не воспринимается всерьез. Хотя вчера Вяземский сказал, что планирует на мне жениться.

– А ты?

– Ну если ничего стоящего не подвернется... – Папа выглядел совершенно ошарашенным, а я засмеялась: – Шучу. По-моему, прежде чем выходить замуж, не худо бы влюбиться. Ты как считаешь?

Я подошла и обняла отца, а он погладил меня по спине.

– Илья – хороший парень. Надежный. И он тебя, безусловно, любит. Это же видно. По мне, так лучшего зятя и искать не стоит. Но тебе, конечно, видней.

Я слушала вполуха, прикидывая, как начать разговор. Ясно, что будет он нелегким для нас обоих.

– Пойду переоденусь, – сказала я, трусливо оттягивая время. – Поставь, пожалуйста, чайник.

Я отправилась в свою комнату, а папа сказал вдогонку:

– Как ты смотришь на то, чтобы пообедать сегодня в «Вегандре»? Погода хорошая, потом можно немного прогуляться.

– Отличная идея, – крикнула я уже с лестницы.

Переоделась и начала бестолково сновать по комнате, даже вышла зачем-то на балкон. Под ложечкой противно сосало в преддверии разговора.

– Чай готов, – крикнул папа.

– Иду, – ответила я.

Взглянув на отца, я поняла: за время моего короткого отсутствия что-то произошло. Папа старался этого не показывать, но было заметно: он нервничает. Непроизвольно хмурился, взгляд вдруг становился отсутствующим. Он сервировал стол и говорил о всяких пустяках, то и дело улыбаясь, но мыслями был далеко от нашей кухни, улыбка на его лице выглядела точно приклеенная.

Продержался он минут двадцать, именно столько длилось чаепитие.

– Извини, мне надо кое-что сделать, – поднимаясь из-за стола, сказал он. – По работе... Несколько звонков... Не оби-дишься?

– Что ты, – удивилась я. – Конечно, нет.

Он уже выходил, когда я спросила:

– Что за письмо?

– Что? – не понял он.

– Письмо, – повторила я, – которое ты вытащил из ящика.

– А, письмо... ерунда. Реклама.

Он торопливо ушел, а я заглянула в мусорное ведро. Вскрытый конверт лежал сверху. И ничего похожего на рекламные буклеты. Вообще ничего.

Я поднялась на второй этаж, проходя мимо кабинета отца, прислушалась. Он с кем-то говорил по телефону. Голос звучал резко, но слов я не разобрала. Уже в своей комнате я малодушно решила: разговор с отцом можно отложить. Он чем-то расстроен, а тут еще я полезу со своими рассказами. Во мне зрела уверенность, что перемены в настроении отца связаны с полученным им письмом. Поэтому я и решила при первой возможности заглянуть к нему в кабинет.

Случилось это довольно скоро. Отец вошел в мою комнату и, отводя глаза в сторону, сказал:

– Нюска, я уеду... ненадолго... на час-полтора. Не возражаешь?

– Что-то случилось?

– Нет... то есть кое-какие проблемы на работе. Ерунда.

– Обед и прогулка остаются в силе?

– Да, конечно, – ответил он неуверенно.

– Хорошо. Я тебя жду.

Я понаблюдала в окно, как он выезжает за ворота, а потом пошла в кабинет. На столе у отца извечный беспорядок. Мама пробовала с этим бороться, но в конце концов махнула рукой. Отец каким-то фантастическим образом в этом нагромождении бумаг умудрялся отлично находить нужные.

Оглядев стол, я тяжело вздохнула. Как я отличу только что присланную бумагу от любой другой? Отец мог взять ее с собой, кстати. Или выбросить.

Я вытащила из-под стола корзину. На дне лежали обрывки бумаги. Вытряхнув их на ковер, я устроилась тут же, на полу, и попыталась их собрать. Это удалось довольно быстро. Газетная вырезка, какая-то экономическая статья без начала и конца. Место ей только в мусорной корзине, и взволновать отца она бы точно не смогла. Значит, искать придется в другом месте.

Перспектива не вдохновляла, а мысль о том, что я шпионочку за отцом, вызвала отвращение, и тут я сообразила обрывки перевернуть. Сложив их другой стороной, пораженно замерла. Газетная статья была озаглавлена: «Девушка без имени». В ней говорилось о том, что под Северным мостом обнаружили труп девушки лет двадцати – двадцати пяти. На теле более десяти ножевых ранений, убийца буквально изрезал ее. А потом камнем или каким-то другим тяжелым предметом превратил ее лицо в кровавую кашу. Никаких документов при ней не оказалось, установить ее личность так и не удалось.

Далее следовали предположения автора статьи о причине подобной жестокости, от них он плавно перешел к возможным версиям. О том, что по поводу всего этого думали в полиции, в статье ни слова. Когда вышла газета, не ясно, а вот обнаружили труп за месяц до исчезновения мамы. Это может быть связано? Но как? В городе появился маньяк, и его следующей жертвой стала мама? Отец решил то же самое, вот и причина перемены в его настроении. Но зачем скрывать это от меня? На данный вопрос ответ найти нетрудно: он хотел уберечь меня от мыслей, какой страшный конец, возможно, был у моей матери.

Допустим. Но кто прислал отцу эту статью и с какой целью? А если это далеко не первое послание? И именно из-за них отец убежден: мамы нет в живых. Что же получается: какой-то чокнутый сукин сын забрасывает отца подобными письмами, чтобы продлить его мучения? «Забрасывает», возможно, преувеличение, но одно послание сейчас передо мной... Хотя и в этом нет стопроцентной уверенности: неизвестно, когда обрывки газеты полетели в корзину, несколько минут или несколько дней назад. Домработница приходила в пятницу, и мусор она бы, безусловно, вынесла. Получается, не раньше, чем в пятницу вечером. И вот еще: маловероятно, что такие письма уже были, иначе бы папа насторожился, едва вынув конверт из почтового ящика. А он смотрел на него скорее с недоумением и уж точно без страха. Вопрос: куда отправился отец?

Вопросов становилось все больше, а вот ответов на них я не находила, то есть они, конечно, возникали, но критики не выдерживали.

Остаться в доме к тому моменту не было никакой возможности, меня неудержимо тянуло немедленно разобраться с семейными тайнами, которых оказалось в избытке.

Быстро переодевшись, я отправилась к Алле Шуговой. Кому, как не лучшей подруге матери, знать о том, что происходило четыре года назад.

Дом Шуговых едва проглядывал сквозь заросли деревьев. Я подошла к калитке, она была заперта, но створка ворот рядом приоткрыта. Этой узкой щели вполне хватало, чтоб в нее протиснуться. Собственно, проще было воспользоваться домофоном, но к тому моменту я уже разглядела машину отца на подъездной дорожке и решила не спешить являть себя хозяевам. Поднявшись на крыльцо, я потянула входную дверь на себя, и она открылась.

В доме абсолютная тишина. Постояв немного в холле, я двинулась в направлении кухни. Она выходила на большую веранду, где в тот момент были Алла и мой отец. Их разговор я не слышала, а вот видела их прекрасно. Отец стоял, сунув руки в карманы брюк, и что-то разглядывал у себя под ногами. Алла полулежала в шезлонге, и ее взгляд, обращенный к отцу, вызвал у меня беспокойство. Это был взгляд влюбленной женщины, его ни с каким другим не спутаешь, оттого в

груди так противно заныло.

Отец, должно быть, собрался уезжать, что-то сказал и повернулся к двери. Алла мягко, точно кошка, поднялась с шезлонга, положила руку на грудь отца и его поцеловала. Поцелуй был недолгим и вовсе не страстным, по крайней мере, со стороны отца. Все это выглядело скорее ритуальным прощанием супругов, и в тот момент это резануло куда больше, потому что выходило: их отношения, в наличии которых я не сомневалась, длятся уже давно. Отец кивнул и пошел с веранды, а я бросилась в холл, не желая с ним встречаться.

Первой мыслью было выскочить на улицу, но там отец мог меня увидеть. Мне ведь потребуется время, чтобы добратсья до калитки. В результате я спряталась в огромном шкафу-купе, стоявшем в холле, едва успев задвинуть створку.

Шаги отца, входная дверь хлопнула, и все стихло. С улицы вскоре донесся звук работающего двигателя, а я осторожно выбралась из шкафа. Алла оставалась на веранде. Лежала, вытянув ноги, и с мечтательным видом накручивала на палец прядь волос.

Алла была моей крестной, я всегда ее любила, но теперь, глядя на нее, стискивала зубы от злости и отвращения. Чертова притворщица! Такие сцены способны навеки отбить охоту заводить подруг.

Я спешно покинула дом. Калитка с этой стороны открывалась простым нажатием кнопки. Ворота были закрыты, но не заперты. Я подумала: где сейчас муж Аллы и знает ли

он о ее отношениях с моим отцом? Если честно, очень хотелось, чтоб узнал, прямо сейчас.

Видеть Аллу я не желала и отправилась в сторону остановки автобуса, потому что приехала сюда на такси. Однако по дороге мои намерения изменились. Я вдруг решила вернуться и с крестной поговорить. Отец получил письмо и сразу отправился к ней. Хотя, строго говоря, их встреча могла и не быть связана с письмом. Но... вдруг Алле об этом что-то известно? Вопрос, захочет ли она откровенничать. Почему бы и нет, в конце концов? С какой стати я записала ее во враги? Их связь с отцом могла возникнуть уже после исчезновения мамы и никак с ним не связана. От этой мысли стало не по себе. Я что, подозреваю родного отца? «Кому отец, а кому муж, – с мрачной ухмылкой подумала я. – А когда дело касается мужей и жен, все далеко не однозначно».

Достав мобильный, я набрала номер Аллы. Она не отвечала довольно долго, то ли раздумывала, стоит ли отвечать, то ли просто телефона не было под рукой.

Голос звучал в высшей степени приветливо.

– Анечка, – пела она, – чем занимаешься, солнышко?

– Можно я к тебе приеду? – запела я в ответ. – Надо поговорить.

С Аллой мы были на «ты», и звала я ее всегда по имени.

– Конечно. Ты где?

«Хороший вопрос...»

– Я сегодня у папы. Подъеду через двадцать минут.

– Жду, милая.

Ровно двадцать минут я бродила на соседней улице, а потом отправилась к дому Аллы.

Калитка оказалась не заперта, Алла по-прежнему была на веранде. На небольшом столике стоял заварочный чайник, розетка с моим любимым вареньем и две чашки. Все говорило о том, что меня здесь ждут и мне рады.

Алла поднялась и заключила меня в объятья.

– Не боишься держать калитку открытой? – спросила я, хотя могла бы обойтись и без этого. Недавнее раздражение давало себя знать.

Алла чуть нахмурилась, но тут же с усмешкой произнесла:

– Чему быть, того не миновать. Я боялась не услышать звонок...

– Виктор Николаевич дома?

– Уехал к матери. В воскресенье он сопровождает ее на рынок. Садись. О чем хотела поговорить?

Она стала разливать чай, с улыбкой поглядывая на меня. Ни слова о том, что мой отец полчаса назад был здесь.

– Я хотела спросить... о маме...

Алла вновь нахмурилась, потом потрепала меня по плечу.

– Бедная моя девочка. Представляю, как тебе тяжело. Нам всем ее ужасно не хватает.

– Мы с тобой друзья, – сказала я, и Алла поспешно кивнула, – поэтому я обойдусь без длинных вступлений. Отец с матерью в последнее время не ладили?

Она нервно дернула плечами, словно торопясь возразить, но, взглянув на меня, тяжело вздохнула.

– Это вовсе не то, что ты думаешь, – произнесла после паузы.

– А что я думаю?

Теперь она досадливо поморщилась.

– Они не собирались разводиться. Знаешь, когда долго живешь с человеком, бывают всякие периоды. Спокойные и не очень.

– У них был беспокойный?

– Почему ты вдруг...

– Почему я стала задавать эти вопросы сейчас? – подсказала я. – Сначала просто ошалела от горя, а теперь возникло желание понять.

– Что понять?

– Как они жили без меня, к примеру.

– И не виноват ли в том, что произошло, твой отец?

Неожиданный вопрос... впрочем, учитывая, что отца подозревали в исчезновении мамы, вполне логичный.

– Я даже думать об этом не хочу, – покачала я головой. Правды в этом ответе только наполовину. Да, не хочу. Но повод так думать, к несчастью, есть.

– Он не виноват, – сказала Алла. – Твой отец всегда ее любил. Всегда.

– А она его?

– Разумеется.

– И у нее не было любовника? – спросила я, испытывая странное чувство, точно речь шла вовсе не о моей матери, а о ком-то чужом и почти незнакомом.

Алла возмущенно вытаращила глаза, готовя, судя по всему, гневную отповедь. Но вдруг сникла. Покусала нижнюю губу и буркнула:

– Нинка проболталась?

– Кое-что в ее словах насторожило. Поэтому я и пришла к тебе. Вы с мамой лучшие подруги, кто может знать о таких вещах, если не ты?

– Видишь ли... – Алла тяжело вздохнула. – Не знаю, что тебе рассказала Нина... Но... и она, и я... мы очень хорошо относились к твоему отцу. Если честно, мы всегда были немного в него влюблены. Ерунда, конечно...

«Вот уж не знаю», – подумала я, вновь вспомнив недавнюю сцену, а Алла продолжила, подбирая слова:

– Мама об этом прекрасно знала. Это было предметом наших бесконечных шуток. И...

– Вы бы ее измену не одобрили? – решила я прийти ей на помощь.

– Вот именно. Сравнение с твоим отцом выдержит далеко не каждый. Когда ты минуту назад спросила, я подумала: вдруг она доверилась Нине? Даже обидно стало...

– Но мой вопрос тебя не удивил.

Она покачала головой, точно досадуя на мою настойчивость.

– С ней что-то происходило... твой отец страдал, мы это видели. Он, конечно, молчал, и она молчала.

– То есть ничего, кроме догадок? Предположим, отец завел любовницу. Мама об этом узнала и...

– Чушь собачья, – перебила Алла. – Твой отец здесь ни при чем... Ладно, расскажу все как есть. У меня квартира осталась от родителей, я собиралась ее продать, но все руки не доходили. За пару месяцев до исчезновения твоей мамы она вдруг спросила, не могу ли я дать ей ключи. Вроде бы кто-то из родственников ее знакомых приезжает на учебу. Я, конечно, дала. А потом стала замечать... Когда разговор заходил о твоём отце, она словно замыкалась в себе. Сначала я, как и ты, подумала... в общем, решила, что твой отец... И попыталась вывести ее на разговор. Но она вдруг страшно разозлилась. Даже сказала: не пойму, с кем вы дружите, с ним или со мной? Вот эта фраза и заставила меня на все взглянуть по-другому. При встрече я в шутку спросила: «Ты в квартире с любовником встречаешься?» Реакция была очень бурной: «Зачем я к тебе обратилась», и все такое. В общем, я поняла, что ненароком угадала. Но продолжить разговор не решилась, боясь потерять подругу.

– Но любопытство мучило, – подсказала я.

– Мучило, – кивнула Алла.

– И ты решила заглянуть в квартиру?

Она пожала плечами.

– В квартиру я не заглядывала, но как-то проследила за

Татьяной. В свое оправдание могу сказать: вышло это случайно. Встретила ее в магазине, хотела подойти, но... магазин был неподалеку от квартиры родителей, вот я и подумала... В общем, поехала за ней. Она действительно отправилась на квартиру, пробыла там чуть больше получаса. За это время никто из мужчин не появился. Татьяна уехала, а я еще с полчаса ждала. Надеюсь, ее любовник покинет гнездышко вслед за ней.

– Покинул?

– Нет. – Она вдруг отвела взгляд.

Что-то ее беспокоило, и я подумала: «Возможно, рассказывает она далеко не все».

– То есть ни с кем она в тот день не встречалась? Привезла продукты родственнику своих знакомых... Соседи его, кстати, видели?

– В этом-то все и дело... – пробормотала она себе под нос, вроде бы пытаясь решить: продолжать или нет. – Не знаю, стоит ли говорить...

– Стоит.

– Через десять минут после Татьяны из подъезда вышел мужчина. Только он совершенно не годился в любовники.

– Человек другого круга?

– Если бы, – хмыкнула Алла. – Просто не годился. На вид лет семидесяти. Правда, крепкий такой старик. И... неприятный. Бывают такие лица... В общем, ни намека на старческое благообразие. Само собой, я решила, что к Татьяне он

не имеет ни малейшего отношения...

– Но потом...

– Потом выяснилось: соседи его видели, и жил он в моей квартире. Съехал примерно недели за три до ее исчезновения. По крайней мере, твоя мать вернула ключи.

– А что по этому поводу решили в полиции? – Вопрос повис в воздухе, и я с усмешкой продолжила: – Только не говори, что им об этом ничего не известно.

– Сама подумай, я не видела его с твоей матерью... И о том, кто жил в квартире, узнала от соседки совсем недавно. А тогда просто не связала их вместе...

– И что ты думаешь об этом старике?

– Ничего. Возможно, действительно чей-то родственник, которому она решила помочь.

– Почему бы ей тогда не рассказать тебе о нем буквально в двух словах?

– Вот уж не знаю...

– Он показался тебе неприятным типом. А что, если его появление и мамино скверное настроение были связаны?

– Логичный вопрос. Вот только кем он может быть? Почему о нем никто не знал? Твой отец уж точно...

– То есть об этом типе и моему отцу известно, но сообщать в полицию он не спешит?

– И правильно. Они, скорее всего, решат: он в очередной раз хватается за соломинку. Ты не представляешь, что пережил твой отец...

– Я-то как раз представляю, – перебила я. – Но если каждый из нас начнет что-то утаивать... Как мы разберемся в этой истории?

– Что ты утаиваешь? – встрепелась Алла, а я закатила глаза.

– В отличие от вас, я была довольно далеко и имею слабое представление о том, что здесь происходило, оттого и пришла к тебе с вопросами.

Сообщать Алле о своих видениях я не собиралась. Теперь стало ясно: с откровениями лучше не спешить. У мамы были тайны, которые она не пожелала доверить лучшей подруге. Значит, вновь появилась надежда, что она жива и сейчас скрывается... появляясь передо мной время от времени?

По сути, разговор с Аллой ничего не дал. К прежним странностям добавился пожилой мужчина, который вряд ли мог быть любовником. Никаких родственников у мамы не было, она не раз говорила об этом. После гибели родителей ее воспитывала бабушка. Мама, мама... что же с тобой случилось?

От Аллы я уехала на такси и по дороге к дому отца, таращась в окно, продолжала задаваться тем же вопросом. Почему мама ничего не рассказала отцу? Или мне? Со мной более-менее ясно, не хотела загружать меня своими проблемами, да и пользы, наверное, не видела. Но с отцом они ведь были так близки... Хотя теперь я уже ни в чем не уверена.

Отца дома я не застала. И, пользуясь этим, тщательно обследовала комнату мамы, почти не сомневаясь, что делаю это напрасно. Однако шанс все же был. Я искала малейший намек на ответ: кто был тот самый пожилой мужчина? Полиция о нем не знала, но отец-то о его существовании знал. И, конечно, постарался бы выяснить.

Поиски пришлось прервать часа через два.

Я услышала, как подъехала машина, и пошла встречать отца.

– Планы поменялись? – спросил он, целуя меня.

В голосе чувствовалось напряжение. Или мне это только кажется? Вряд ли. Алла наверняка ему позвонила, и о нашем разговоре ему известно. Но он, кажется, не собирается это обсуждать. Хотелось бы знать, почему? Боится, что вслед за одной недомолвкой всплывут другие? А мне что мешает? Подозрения? Это мой отец, я на его стороне, и любое объяснение меня устроит... В этом-то все дело... Я не нуждаюсь в объяснениях, я хочу знать правду...

Мы оба, несмотря на все старания, чувствовали неловкость, отец, как и я, должно быть, гадал, как поступить. Заговорить или нет? Тянул время. Неизвестно, чем бы это закончилось, но тут позвонил Илья.

– Есть новости? – спросил с беспокойством.

– Одна хорошая. Ты позвонил.

– Я серьезно.

– У меня есть для тебя маленькое, но ответственное зада-

ние, – внезапно приняв решение, сказала я.

– Готов на все. В меру сил.

– Ты справишься. Давай встретимся через пару часов.

Закончив разговор, я отправилась в свою комнату, предупредив отца, что планы вновь поменялись и я собираюсь провести вечер с Ильей. Папу это порадовало, правда, причина его радости осталась неясна: то ли вспыхнувшая надежда, что мы с Ильей свяжем себя брачными узами, то ли облегчение, что я покину дом.

В своей комнате я устроилась за компьютером и нашла в архиве газеты ту самую статью о трупe под мостом, скопировала ее, распечатала и просмотрела публикации вплоть до вчерашнего дня. Похоже, у этой истории продолжения не было. Сунув распечатку в карман сумки, я покинула дом.

Илья ждал меня в сквере возле театра драмы. Сев рядом с ним на скамью, я достала лист бумаги со статьей и протянула ему. Он пробежал глазами написанное и уставился на меня в глубоком недоумении. Игнорируя его взгляд, я широко улыбнулась.

– Что это? – спросил он.

– Статья в газете.

– Сообразил.

– У тебя есть возможность узнать: в этом деле есть какое-то движение?

– В смысле, выяснили менты, что это за девушка и кто ее

убил?

– Ты действительно очень сообразителен, – подхалимски произнесла я.

– Видно, не особо, раз не могу взять в толк, с какой стати тебя это вдруг заинтересовало.

Ответ я подготовила заранее, у него было мало общего с реальностью, но звучал он вполне правдоподобно. Однако ничего говорить не пришлось. Илья нахмурился и добавил, исподлобья глядя на меня:

– Девицу обнаружили за месяц до исчезновения твоей матери. С чего ты взяла, что это как-то связано? Думаешь... какой-то псих убивает женщин?

– Разные мысли приходят в голову...

– Но... твою мать искали, и любой неопознанный труп... извини, – вздохнул Илья.

– Не извиняйся, я переживу. Может быть, следующий труп он спрятал куда лучше. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю. Для кого-то эта девушка, возможно, до сих пор пропавшая без вести. Хорошо, я все узнаю. А сейчас, если не возражаешь, поговорим о чем-нибудь приятном.

Я не возражала, но о приятном все равно не получилось. Разговор то и дело возвращался к недавним событиям. Кончилось тем, что мы отправились в кино.

Утром я встала ни свет ни заря. Долго бродила по квартире и вздохнула с облегчением, поняв, что пора на работу.

Однако в тот день мир шляп интересовал меня мало. Если быть честной, вообще не интересовал. Зато я вспомнила о намерении встретиться еще с одним человеком, занимавшем в жизни мамы большое место. Ее секретарем – Ольгой Николаевной. Странно, что четыре года мысль увидеться с ней ни разу не пришла в голову. Я даже не знала, работает она до сих пор в офисе отца или нет. Но номер ее мобильного все еще забит в моем телефоне.

Я схватила мобильный, нашла номер и поспешно нажала вызов. Восемь гудков, наконец я услышала голос:

– Алло.

– Ольга Николаевна? Это Анна Гришина. Простите за беспокойство... мы могли бы встретиться?

– Анна? – переспросила она с сомнением. – Дочка Татьяны Витальевны?

– Да, она самая.

– Но... я не очень понимаю... Хорошо, – вздохнула она, – давайте встретимся.

– Когда вам удобно?

– В любое время. Хоть сейчас.

«Значит, она, скорее всего, уже не работает», – подумала я.

Мы договорились встретиться в кафе «Леонора», находилось оно где-то в спальном районе, видимо, Ольга жила неподалеку.

Схватив ключи от машины, я отправилась туда.

Она нервничала. Это стало ясно, как только Ольга вошла в кафе. Я помнила ее строгой, деловитой, всегда в костюме, светлом или темном, в зависимости от сезона, белой блузке с брошкой на воротничке. Прямая спина, взгляд, полный достоинства. А еще сигареты. Она много курила, и мама быстро смирилась с этим. Табачным запахом были пропитаны все костюмы Ольги. Пальцы левой руки неизменно сжимали мундштук. Этот самый мундштук делал ее похожей на героиню довоенных фильмов, которые я иногда смотрела вместе с мамой.

«Ольга – последний из могикан, – любила повторять она. – Таких больше не делают».

Она и раньше была худой, а сейчас точно усохла, уменьшилась в росте. А я удивилась, какой старой она выглядит. По моим представлениям, ей лет шестьдесят, но в настоящий момент передо мной женщина за семьдесят, а ведь прошло всего четыре года.

Я вскочила из-за стола, чтобы Ольга меня увидела, помаяла рукой. Она приблизилась, молча кивнула, скупно улыбаясь, и села на стул, как-то нерешительно и даже робко, словно сомневаясь в разумности своего присутствия здесь.

– Здравствуйте, – сказала я. – Спасибо, что пришли.

– Не благодарите, – усмехнулась Ольга. – Я на пенсии. Занять себя не умею. А тут хоть какое-то развлечение.

Я предложила сделать заказ. Ольга очень внимательно

изучала меню, точно это какой-то юридический документ, и вновь усмехнулась:

– Не уверена, что я хочу потратить такие деньги.

– Об этом не беспокойтесь, – поспешила заверить я.

Она пожала плечами и сделала заказ. Салат, горячее, кофе и пирожные.

Заказ принесли быстро. Ольга ела с удовольствием, смакуя каждый кусочек. Потом отодвинула тарелку и сказала:

– Спасибо. Готова компенсировать ваши издержки. Что вы хотели?

– Поговорить о маме, – ответила я.

Она взглянула с сомнением.

– Четыре года вопросов у вас не было...

В ней чувствовалась обида, а фраза прозвучала чересчур агрессивно. Я поспешно произнесла как можно мягче:

– Лучше поздно, чем никогда.

– С народной мудростью спорить трудно. Но чаще всего бывает поздно. Имейте это в виду.

– Вы сказали, что сейчас на пенсии, – решила я начать издалека.

– После того как ваша мать исчезла, мне в фирме работы не нашлось.

«Так вот в чем дело», – подумала я, теперь причина ее обиды более-менее ясна.

– Отец вас уволил?

– Я сама написала заявление. Он, кажется, про меня про-

сто забыл. Два месяца я сидела в пустой приемной, а потом подала заявление.

– Он не пытался вас отговорить?

– Нет. Я думаю, подобные мелочи его не интересовали.

– Папу можно понять. Учитывая его тогдашнее состояние... – вступилась я за отца.

Ольга криво усмехнулась, не желая комментировать мое высказывание.

– У вас с ним были хорошие отношения? – спросила я.

– Скорее никаких. Я не хочу, чтобы это выглядело как сведение счетов, – нервно заговорила она. – Он подписал заявление, а я обиделась и теперь наговариваю на вашего отца. Но предупреждаю сразу: от меня обычных дифирамбов ему вы не услышите.

– Так я не за этим пришла.

– А зачем?

– За правдой, – пожала я плечами.

Ольга зло хмыкнула.

– Правда? Правда, деточка, понятие сугубо относительное.

– Поделитесь своей, – вновь пожала я плечами.

Она перегнулась ко мне и спросила, понижая голос:

– Вы ее видели, да?

– Кого? – растерялась я.

– Вашу мать.

С минуту мы таращились друг на друга.

– Не обращайтесь внимания, – вдруг пошла она на попятный и откинулась на спинку стула. Теперь она старательно отводила взгляд, голос звучал устало.

– Я дважды видела женщину, похожую на мою мать, – поделив слово «похожую», сказала я. – Судя по вашему вопросу, вы ее тоже видели.

Ольга кивнула.

– Неделю назад. Она сидела в машине возле моего дома. Я пошла в парк, ежедневная прогулка от безделья. На машину обратила внимание еще накануне. Но не разглядывала, кто за рулем сидит, а тут посмотрела.

– Вы разговаривали?

– Нет. Я бросилась к ней, но она завела машину и уехала.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Ваша мать в беде и нуждается в помощи.

– Тогда почему уехала?

Ольга пожала плечами.

– Я не знаю ее обстоятельств. И вы, судя по всему, тоже. И вы, и я видели ее, но она не захотела говорить. И причина должна быть очень серьезная.

– И связана она с моим отцом?

Ольга нахмурилась, но промолчала.

– Вы считаете его... плохим человеком? – продолжила я, тщательно подбирая слова. – У вас есть для этого повод?

– Вы на мать похожи, – вдруг улыбнулась она. – Стараетесь быть вежливой, но своего добиваетесь. Что вы знаете

обо мне?

Вопрос удивил.

– Вы долго работали с мамой. Пятнадцать лет, кажется...

– Семнадцать, – поправила она. – Я сирота, детдомовская.

Ни кола ни двора. Замуж не вышла, ребенка не родила. Сначала боялась: куда одной с ребенком. Потом операция и приговор врачей. Скверная штука. Всю жизнь одна. Я вашу мать очень любила. Хотя мы никогда не были близки. Не переходили грань. Но обе знали, что можем положиться друг на друга. В общем, я всегда была на ее стороне.

– Круто, – не удержалась я. – Отец, выходит, был по другую сторону?

Ольга пожала плечами.

– Поначалу он не особенно меня интересовал. Его чары просто не действовали. Но он был ее мужем, и я радовалась, что у них все хорошо.

– До определенного момента?

– Да. До тех пор, пока он не заставил ее страдать.

– Что она рассказывала об этом?

– Ничего. Я же сказала, мы не переходили грань. Я была ее секретарем, а она моим боссом, ничего личного. Но я видела... видела, как она переменилась. Тусклый взгляд, растерянность... Она избегала его. По крайней мере, на работе. Ей было тяжело его видеть.

– Когда все это началось?

– Задолго до ее исчезновения. Вы знаете о завещании?

– О завещании? – не поняла я.

– Ваша мать написала завещание. За два дня до того, как исчезла.

Ни о каком завещании я не слышала и теперь смотрела на нее с сомнением.

– Она попросила меня пригласить Льва Владиславовича. Вы ведь с ним знакомы?

– Нотариус?

– Да. Ваши родители постоянно к нему обращались. Он приехал к концу рабочего дня, со своим ноутбуком. Но... бумаги распечатывали на моем принтере. Он в приемной. Я была уверена: это бумаги по работе, их всегда довольно много. Только удивилась, почему Татьяна вызвала Гаусмана в офис, почему сама этим занимается. В фирме есть юристы, это их работа. А когда взгляд зацепился за слово «завещание»... я не могла не прочитать. Я даже сделала копию. Она, само собой, недействительна, не будучи заверена...

– Что было в завещании? – испуганно спросила я.

– Свою часть имущества и, разумеется, свою часть фирмы Татьяна завещала вам.

– И... почему вас это удивило?

– С какой стати молодой здоровой женщине писать завещание? Это первое, о чем я подумала. Фирма принадлежит вашим родителям. Они равноправные партнеры. В случае смерти одного из супругов наследство переходит к ближайшим родственникам: родителям, мужу, детям. Ваша мать –

сирота. Значит, вы с вашим отцом разделили бы наследство между собой.

Я не очень понимала, куда она клонит, должно быть, Ольга это заметила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.